

На правах рукописи

Беляев Владимир Александрович

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК СУБЪЕКТ
РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА:
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Специальность: 23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология,
национальные и политические
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Казань - 2007

Работа выполнена на кафедре социологии, политологии и менеджмента
Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Фарукшин Мидхат Хабибович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бурганов Агдас Хусаинович

доктор философских наук, профессор
Водолазов Григорий Григорьевич

доктор политических наук, профессор
Сергеев Сергей Алексеевич

Ведущая организация: Институт социологии РАН

Защита состоится «31» мая 2007 г. в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.081.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора политических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 2, ауд. 215.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета

Автореферат разослан « » апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Большаков А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современном мире интеллигенция играет незаменимую роль в подготовке и проведении политических изменений, требующих интеллектуальной рефлексии и формирования нового главенствующего идеолого-политического дискурса и в целом – экспертного и общественного мнения. В XXI в. политическая инициатива и гегемония все больше переходят к различного рода общественным группам. Среди групповых агентов политики важнейшее значение имеет интеллигенция в силу специфики ее базовых характеристик и новых черт, позволяющих ей не только идеолого-политически обслуживать разные классы, но и проводить самостоятельную стратегию.

Политическая практика России XIX-XXI вв. продемонстрировала особое значение групп интеллектуалов в процессах трансформации общества. В период перестройки резко выросла политическая роль российской интеллигенции, осознавшей и артикулировавшей и собственные интересы как крупного социального слоя, и свою особую миссию в обществе. Впервые за долгое время сформировались видимое взаимное понимание и эмпатия интеллигенции и остальных агентов политики.

В период реформ конца XX – начала XXI вв., российское общество столкнулось с процессом падения социального статуса интеллигенции – наиболее резкого среди всех слоев постсоветского общества. Вытеснение интеллигенции из властных структур и лишение ее иных каналов воздействия на власть привели к потере интеллектуалами роли группы политического давления и даже к их массовой деполитизации. Эти процессы породили среди ученых мнение об исчезновении интеллигенции и номенклатуры как социальных слоев и их замене «средним классом» и «правлящей элитой», соответственно. Кроме того, такие изменения носят столь постепенный и непрерывный характер, что иногда политологи не выделяют различий между интеллектуалами и правящим слоем советской эпохи, с одной стороны, и постсоветского периода, с другой. Представляется, что эти позиции одинаково далеко отстоят от реального положения вещей. В целом, от политического поведения, характера взаимодействия интеллигенции с властью и их взаимного социального обмена непосредственно зависят выбор социумом типа и способа политического развития Российской Федерации. Потому актуален научный интерес к проблеме анализа интеллигенции как субъекта политики.

Состояние научной разработанности проблемы. В научной литературе отсутствует единый подход к оценке интеллигенции как субъекта политики. Существующие исследования можно подразделить на ряд направлений.

Первое направление объединяет значительное количество трудов, посвященных политической характеристике *российской интеллигенции*, особенно по периоду 1980-2000-х гг. В 1980-е гг. новые монографии по интеллигенции вы-

пустили И.Селеньи, Р.Брим, М.Восленский и иные авторы¹. В 1990-2007 гг. начал утрачиваться интерес западных ученых к данной проблеме, тем не менее предложивших ряд концепций². Отечественные интеллигентоведы, напротив, в годы перестройки активизировали серьезный политологический анализ российской интеллигенции. В этот период резко выросло внимание советских исследователей к интеллигенции, часто в русле дискурса грядущей интелликратии³. После 1991 г. важнейший вклад в исследование политических интенций и потенциалов интеллектуалов внесли историки, социологи, выявление политических функций интеллигенции осуществлено рядом политологов⁴. Вместе с тем характеристика такого агента политики, как интеллигенция, во многих исследованиях сочетается с недифференцированным подходом к ней как социополитическому целому, не фокусируется на анализе интеллигенции именно в качестве субъекта политики и нуждается в дальнейшей разработке.

Второе направление. Политическая наука имеет солидный задел по проблемам истоков, характера и эволюции *правлящей элиты* России как политически наиболее действенной части интеллигенции⁵. Ряд авторов анализирует специфику и тенденции развития региональных элит⁶. В целом большинство исследователей ограничивается анализом лишь политических лидеров или элиты – как правящей, так и, реже, оппозиционной. Однако такой подход не позволяет всесторонне охарактеризовать факторы политического поведения и возможно-

¹ Szelenyi, I. Urban Inequalities under State Socialism / I.Szelenyi. - N.-Y., 1983; Szelenyi, I. The Prospects and Limits of the East European New Class Project / I.Szelenyi // Political Society. - 1986-1987. - Vol.15; Brym, R.J. Intellectuals and Politics / R.J.Brym. - L., 1980; Восленский, М.С. Номенклатура / М.С.Восленский. - М., 1991; The mythmakers: Intellectuals a. the intelligentsia in perspective. - N.-Y., 1987, etc.

² Селеньи, И. Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960-1980-е гг. / И.Селеньи // Рубеж. - 1995. - №6-7; Szelenyi, I. Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe / I.Szelenyi, S.Szelenyi // Society in Social Theory. - 1995. - Vol.24/5. - Oct.; Shlapentokh, V. Soviet Intellectuals and Political Power: The Post-Stalin Era / V.Shlapentokh. - L., N.-Y., 1990; Байрау, Д. Интеллигенция и диссидентство / Д.Байрау. - Геттинген, 1993; Hatch, J.B. Culture and Power in Revolutionary Russia / J.B.Hatch // The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism // Journal of Modern History 66:2 (June 1994); Bjorling, F. Who is the We of the Intelligentsia in Central and Eastern Europe? / F.Bjorling // Intelligentsia in the interim recent experiences from Central a.Eastern Europe// Slavica Lundesia. Lund. - 1995. - №14, etc.

³ Барбакова, К.Г. Интеллигенция и власть / К.Г.Барбакова, В.А.Мансуров. - М., 1991 и др.

⁴ Бурганов, А.Х. Кто виноват? Что делать? Кому делать? / А.Х.Бурганов. - М., 2005; Водолазов, Г.Г. Дано иное: от номенклатурного социализма к номенклатурной демократии / Г.Г.Водолазов. - М., 1995; Гудков, Л. Интеллигенция / Л.Гудков, Б.Дубин. - М., 1995; Кара-Мурза, С.Г. Интеллигенция на пепелище России / С.Г.Кара-Мурза. - М., 1997; Остерман, Л. Интеллигенция и власть в России (1985-1996 гг.) / Л.Остерман. - М., 2000; Галкин, А.А. Крестный путь российской интеллигенции / А.А.Галкин // Власть. - 1998. - №4; Ушакин, С.А. Интеллигентность сквозь призму интересов / С.А.Ушакин // Полис. - 1998. - №4 и др.

⁵ См.: Властные элиты современной России в процессе политической трансформации / Отв.ред. В.Г.Игнатов, О.В.Гаман-Голутвина, А.В.Понеделков, А.М.Старостин. - Р.-н/Д., 2004; Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О.В.Гаман-Голутвина. - М., 2006; Понеделков, А. Элита / А.Понеделков. - Р.-н/Д., 1995; Элитологические исследования. Ежегодник-2005. Сб.ст. - Р.-н/Д., 2006 и др.

⁶ Барзилов, С. Политическая структура современной российской провинции / С.Барзилов, А.Чернышев. - М., 1997; Идиатуллина, К. Региональное политическое лидерство в России: пути эволюции / К.Идиатуллина. - Казань, 1997; Лысенко, В.Н. От Татарстана до Чечни (Становление нового российского федерализма) / В.Н.Лысенко. - М., 1995; Михайлов, В.В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? / В.В.Михайлов. - М., 2004; Сергеев, С.А. Политическая оппозиция в современной Российской Федерации (федеральный и региональный аспекты) / С.А.Сергеев. - Казань, 2004; Фарукшин, М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации / М.Х.Фарукшин // Полис. - 1994. - №6; Он же. Лицо и маска. Заметки о политическом лидерстве в Татарстане. 1989-2005 гг. - Казань, 2005. и др.

сти самой элиты, среды, в которой проходит политическая жизнь общества. Методологические положения, позволяющие выявить сущностные характеристики правящей в Татарстане элиты (как черты, сближающие ее с элитами в иных регионах и с федеральной, так и качественные отличия от остальных), обосновал в своих трудах М.Фарукшин. Большинство же исследований по региональным элитам носит или сугубо формально-квантификационный (статистический), или идиографическо-биографический (т.е. исторический) характер и не предполагает нового концептуального подхода к интеллигенции как субъекту политики в целом, раскрытия причин, характера и тенденций развития указанного феномена.

Третье направление. В отечественной и зарубежной литературе имеются работы, посвященные анализу отдельных аспектов *взаимодействия* политизированной интеллигенции и правящей элиты как социального субстрата власти¹. Большинство из этих работ не проясняет до конца соотношение понятий «интеллигенция» и «власть», противопоставляет их путем обоснования или «несовместимости» этих феноменов, или необходимости «интеллигенции идти во власть», т.е. не выявляет специфику политического участия интеллектуалов, особенно в регионах России. Часть этих работ носит политико-ангажированный характер, прокламируя изменение отношения отдельных групп интеллектуалов к правящей элите и формулируя программу необходимого, по их мнению, пересмотра характера этих взаимодействий, взаимных обязательств и претензий сторон. Другие исследования рассматривают взаимные отношения власти и интеллигенции в доперестроечный период и в годы перестройки и реформ 1990-х гг. Третьи имеют исторический, дескриптивный характер, в основном описывая зарубежный опыт. Четвертая группа работ носит сугубо публицистический характер и не затрагивает теоретических и методологических аспектов проблемы, не анализирует причины, истоки, смысл и перспективы взаимоотношений власти и интеллигенции.

Отдельные аспекты проблемы взаимодействия правящей элиты и политизированной интеллигенции в Татарстане раскрыты в работах М.Фарукшина, К.Идиатуллиной, С.Сергеева. В то же время пока практически не встречаются теоретические исследования сущности и специфики положения интеллигенции как субъекта политического процесса в России в период 1990-2007 гг., особенно на региональном уровне, сферы, продолжающей являть собой лакуну в научном анализе проблем интеллигенции.

¹ Водолазов, Г.Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы / Г.Г.Водолазов. - М., 2006; Кара-Мурза, С.Г. Потерянный разум / С.Г.Кара-Мурза. - М., 2006; Churchward, L. The Soviet Intelligentsia / L.Churchward. - L., 1973; Gouldner, A. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class / A.Gouldner. - N.-Y., 1979; Konrad, G. The Intellectuals on the Road to Class Power / G.Konrad, I.Szelenyi. - N.-Y., 1979; Балабанов, С.Н. Интеллигенция и власть / С.Н.Балабанов // Общество нового тысячелетия. - Н.Новгород, 2002; Сердюченко, В. Лишние - Интеллигенция и власть / В.Сердюченко // Родина. - 2000. - №6; Сперанский, В. Власть и российская интеллигенция: между антипатией и обожанием / В.Сперанский // Власть. - 1997. - №6, и др.

В целом политическое интеллигентоведение имеет значительный задел исследований отдельных сторон политической жизнедеятельности интеллигенции, однако чаще всего сам этот политический феномен не выделяется и ему не посвящены специальные труды, нет и комплексных работ, недостаточно исследован целый ряд проблем интеллигенции как субъекта политики. В настоящее время не проработан вопрос о таксономическом ранге интеллигенции – представляет ли она политический класс, цельную страту или слабо связанный набор разных групп. Не выделяется политизированная интеллигенция в составе интеллектуального слоя, нет убедительного обоснования неразрывности интеллигенции и ее политических функций. Происходит смешение политизированной интеллигенции с политическим классом, а также политизированной и профессионально занятой политикой интеллигенции. Не представлен в науке и комплексный подход к типологии политических функций интеллигенции. Политизированная интеллигенция как самостоятельный агент политики не типологизирована на виды и не структурирована на компоненты, что не дает возможности теоретического и эмпирического, операционального анализа характера, структуры и позиций таких ее составляющих, как политический актив и массовая политизированная интеллигенция. Не сфокусировано внимание исследователей на используемых интеллигенцией дискурсах как основном инструменте ее политической деятельности, на их современной специфике. Недостаточно разработанной остается проблема определения особенностей и тенденций развития постноменклатуры и современной неправящей интеллигенции – как общих (характера, каналов восхождения и способов политической деятельности), так и – особенно – периферийных и специфических черт региональной клановой постноменклатуры, влияние этих черт правящей и неправящей элит на политическую жизнь в регионе, а также такие факторы, породившие данную специфику, как геодемографические, исторические, социоэкономические, психологические и культурные; не изучены этапы эволюции взаимных отношений татарстанской власти и интеллигенции.

Недостаточной разработанностью проблемы отечественной интеллигенции как субъекта политического процесса и объясняется научный интерес и обращение автора данной работы к этой проблеме.

Объектом диссертационного исследования является интеллигенция в качестве субъекта политического процесса в период постсоветской трансформации российского общества. **Предмет** исследования – характер, структура и функции участия интеллигенции в политической жизни страны и ее региона.

Целью исследования является выяснение специфики функционирования интеллигенции как субъекта политического процесса в трансформирующемся российском обществе.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих **задач**:

- выявление специфики политического статуса интеллигенции, ее политических функций и роли отдельных ее групп в политической жизни постсоветского российского общества;
- проведение типологизации методологических подходов к исследованию интеллигенции как агента политики и определение возможностей их применения к анализу современной российской интеллигенции;
- выяснение причин смены интеллигенцией традиционных дискурсов идейно-политической борьбы и их содержания;
- нахождение общего и особенного в политической жизнедеятельности современной российской правящей интеллигенции в сравнении с иными видами интеллигенции, находящимися у власти;
- выделение факторов формирования и специфики оценки политических функций интеллигенции иными субъектами политики (государством и социополитическими агентами) на разных этапах эволюции российского общества;
- определение вектора и трендов развития взглядов и деятельности политизированной интеллигенции в постсоветской России, роли интеллигенции в формировании политической культуры и общественного мнения, артикуляции и агрегировании социальных интересов, причин падения политической роли интеллектуалов;
- раскрытие факторов, определивших специфику политического статуса, сущности и функций правящей квазиинтеллигенции и способов рекрутирования в ее состав в Татарстане, в отличие от иных российских регионов;
- выяснение особенностей положения и характера неправящей интеллигенции в Республике Татарстан и особой роли интеллигенции как катализатора формирования партийной конфигурации в регионе: в специфике форм политического участия ее разных социофункциональных, демографических и образовательных категорий;
- определение возможностей и путей решения противоречий между интеллигенцией индустриального общества как контрэлитой и этнической постноменклатурой аграрного общества как правящей элитой.

Методологическая основа и теоретические источники работы. Сложность, многоплановость и недостаточная изученность темы определили комплексную методологию диссертации, ее определенную мультипарадигмальность. Методологическую и теоретическую основу работы, помимо общенаучных методов, составили:

- *функционалистский* подход, поскольку именно выполняемые функции являются для автора критерием и выделения интеллигенции в социальной структуре общества, и типологизации ее структуры, и вычленения в ее составе политического отряда, и систематизации типов и видов интеллигенции как субъекта политики, и исследования ее политической деятельности и роли в обществе, и выявления специфики ее региональных отрядов;

- концепции *конфликтуалистской и эволюционистской* ориентаций, посвященные взаимодействию политических элит и структур (как институтов, так и социальных страт) между собой. Каждая из этих ориентаций отражает лишь одну сторону действительности, давая при этом важные и необходимые научные результаты в виде принципов, методов и научного продукта. Исходя из конфликтуалистской позиции, можно констатировать, что препятствия становлению интеллигенции как важного субъекта политики имеют в известной мере положительный аспект: лишение интеллектуалов профессионально необходимых для них каналов политического самовыражения, вымывая из политики слабых, формирует идентичность данного социополитического актора и толкает его к поиску новых каналов политического действия. Эволюционистская точка зрения позволяет искать поле общего действия интеллигенции и власти, избежать политической маргинализации интеллектуалов. При анализе региональной политизированной интеллигенции автор опирается на теорию перекрестного конфликта Л.Козера¹: именно применение стратегии перекрестного конфликта позволило правящей элите Татарстана расколоть интеллигенцию и сохранить свою власть.

Теоретическими источниками диссертации послужили зарубежные и отечественные исследования взаимных отношений гражданского общества и государства, а в их рамках – руководящей и неправящей интеллигенции, «профессионалов» и чиновников, правящей и оппозиционной элит. Важную теоретическую основу настоящего исследования составляют концепция перехода политической инициативы к социальным группам, выдвинутая И.Валлерстайном,² и теория интерпретации политической борьбы как борьбы разных интеллектуальных групп, разработанная А.Грамши³.

Эмпирическую базу исследования составляют:

- данные официальной статистики (включая итоги поименного голосования в региональном законодательном органе Татарстана) и результаты герменевтического исследования нормативных документов (Конституций РФ и Татарстана и изменений в них; Закона РФ о политических партиях, закона РТ о языках народов РТ, избирательного законодательства в России и иных);
- материалы компаративного исследования электоральной документации (копий протоколов избирательных комиссий; многочисленных протоколов о нарушениях и жалоб, составленных наблюдателями и кандидатами в депутаты; материалов судебных дел и решений судов по нарушениям на выборах и т.п.);
- данные вторичного анализа социологических исследований иных авторов, прежде всего социологической службы при законодательном органе РТ;

¹ См.: Козер, Л. Функции социального конфликта / Л.Козер. - М., 2000. - С.101-105, 157, 161.

² См.: Валлерстайн, И. После либерализма / И.Валлерстайн. - М., 2003. - С.108, 228, 233.

³ См.: Грамши, А. Статьи из «Ордино Нуово». Проблемы революции. Проблемы культурной жизни / А.Грамши. - М., 1960.

- результаты проведенных автором массовых репрезентативных исследований взглядов и интенций интеллигенции в Казани и ряда экспертных опросов по проблемам политической роли интеллигенции. Осуществляя регулярные массовые опросы с 1993 г., автор только за 1999-2005 гг. провел 18 репрезентативных массовых опросов в городе Казани (а также в г. Зеленодольске), в ходе которых по разработанной методике с использованием валидного инструментария было опрошено св.18,8 тыс. респондентов, а также 8 exit-polls в Казани.

Научная новизна исследования обусловленная самой постановкой проблемы, не получившей пока своего всестороннего освещения, выражается в следующем.

1. Осуществлен комплексный подход к интеллигенции как к субъекту политики. Внесены существенные новации в трактовку интеллигенции: в широком смысле последняя охватывает категории, традиционно в западной науке называемые «профессионалами» и способные быть аполитичными, а в качестве субъекта политического процесса она понимается как обладающее качествами интеллигентности ядро слоя интеллигенции, осуществляющее особую политическую роль в обществе.

2. На основе единого критерия определены структура занятой политикой интеллигенции и функции каждого ее компонента в сфере политики. Внесены существенные новации в понятийный аппарат, используемый в политологии при исследовании таких структурных элементов. Вскрыты достоинства и недостатки разных видов соотношения политической роли отдельных компонентов интеллигенции.

3. Осуществлена типологизация основных теоретико-методологических подходов к исследованию функций интеллигенции в политике и определены возможности их применения к анализу современной российской интеллигенции, ее политические функции и степень их признания со стороны государственной власти.

4. На основе эмпирических данных проанализированы используемые интеллигенцией дискурсы и иные идейные средства как специфика ее политической борьбы и как основная форма последней, выявлены причины неадекватности методов идейно-политической борьбы современных российских интеллектуалов. Предложена авторская типология современных способов психологизации интеллигентского дискурса, «силовых методов» ведения идейно-политических дискуссий.

5. Выяснено соотношение общего и особенного в политическом статусе российской квазиинтеллигенции, находящейся у власти, и иных исторических видов правящей интеллигенции, обосновано, что, в отличие от «идеальных», «чистых» видов властной интеллигенции, постноменклатура представляет собой смешанный вид правящей интеллигенции с преобладанием квазиинтеллигентских черт и появлением новых характеристик.

6. Выявлены тенденции развития неправящей политизированной интеллигенции в России, причины ее трансформации и падения ее политической роли в современных условиях.

7. Выделены особенности социальной среды и менталитета населения Республики Татарстан как одно из условий, сформировавших специфическую по своей ориентации и конфигурации интеллигенцию: как традиционалистскую правящую клановую постноменклатуру, так и модернизационную интеллектуальную оппозицию, охарактеризованы пути решения коллизий между ними.

8. Раскрыты действие феномена взаимного «погашения» перекрестных политических конфликтов и причины «рокировки» оппозиционного статуса основных видов неправящей политической элиты в Республике Татарстан.

9. Представлена специфика положения и характера политизированной интеллигенции в биетническом субъекте федерации, особой роли интеллигенции как катализатора формирования политической инфраструктуры в регионе, проявляющейся в особенностях форм политического участия ее разных социально-функциональных, демографических и образовательных категорий, в развитии отдельных «центров силы» и групп интересов, в экзотической ориентации и конфигурации партийной системы Республики Татарстан.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. В данной работе интеллигенция в качестве субъекта политического процесса трактуется как обладающее качествами интеллигентности ядро слоя интеллигенции, осуществляющее особую консолидирующую, политико-строительную роль в обществе, сервисную функцию артикуляции, агрегирования и репрезентации интересов иных субъектов политики (также как и своих собственных), функцию индоктринации сознания этих политических субъектов, активистскую роль социального лидера-паттерна и катализатора кристаллизации политической инфраструктуры. В таком значении категория «интеллигенция» не может включать интеллигентскую периферию. При этом векторы развития как у правящей элиты и интеллигенции в целом, так и у интеллигентской элиты и ядра интеллигенции не совпадают.

2. Авторская типологизация методологических подходов к исследованию интеллигенции как агента политики позволяет выделить существующие в науке трактовки политической миссии интеллигенции: во-первых, системные и дистанцирующие трактовки, исходящие, соответственно, из эволюционистской и конфликтологической ориентаций; во-вторых, функционально-стратификационные и «миссионерские» вариации, опирающиеся, соответственно, на неопозитивистский и гуманитаристский подходы. Взаимное наложение указанных ориентаций и подходов (направлений) привело к созданию основных концепций политической роли интеллигенции: а) эволюционистский неопозитивизм стал основой для структурного функционализма, выделяющего интеллигенцию по ее функциям и потому трактующего ее как слой «профес-

сионалов», и для теории стратификации, заменяющей интеллигенцию аполитичным «новым средним классом»; б) конфликтологический неопозитивизм выдвигает концепцию конкуренции, обосновывающую неизбежность конфликта между властью и интеллигенцией; в) конфликтологический гуманизм в разных формах марксизма акцентирует роль обслуживания «политической» интеллигенцией «заимствованных интересов»; г) гуманистский эволюционизм в рамках концепции «нового класса интеллигенции» выделяет дискурсивную, телеологическую или негэнтропийную миссию последней. Диссертант определяет адаптивность этих подходов к анализу российской интеллигенции.

3. Общий вектор оценки властью политических функций интеллигенции зависит от степени жесткости правящего режима, сам во многом являясь ее индикатором, что объясняется спецификой профессий интеллигенции. Названный вектор в России XX – начала XXI вв. можно определить как сознательное отчуждение интеллигенции властью от реальных рычагов воздействия на политику, ограничение присущих интеллигенции политических функций. Отношение власти к интеллигенции как слою и как субъекту политики всегда было разнонаправленным, хотя и в различной степени.

4. Применение функционального критерия позволяет выделить в составе занятой политикой интеллигенции такие категории, как кратосы, партиципаторы и инфлюэнты, обладающие неодинаковыми возможностями в политической сфере, а также группы реальной и квазиинтеллигенции. Наиболее существенным для разделения участвующей в политике интеллигенции на политическую элиту и политизированную интеллигентскую массу является подход, сочетающий репутационный и функциональный критерии. Разведение функций политического господства и управления дало автору возможность провести различение таких компонентов политической элиты, как кокус и политическая цитоплазма. В свою очередь, каждый из названных компонентов имеет четкую структуру и субординацию функций, нарушение которых деформирует политическую роль и ориентацию интеллигенции. Превалирование «политиков-харизматиков» превращает занятую политикой интеллигенцию в патронажно-клиентельный клан, «организаторов» – в бюрократию, «интеллектуалов»-идеологов – в антигуманную технократию или идеократию, интеллигентов-волонтеров – в неспособную к реализации властных функций охлократию, победа саботажников ведет к деградации или переориентации интеллигенции. В силу этого необходимы определение функций каждого из ее компонентов, разделение их труда.

5. Специфику политической борьбы интеллектуалов и основную ее форму составляют используемые ими дискурсы и иные идеологические средства. В отличие от интеллигенции XIX в., многие современные интеллигенты склоняются к выбору неклассических и неадекватных методов идейно-политической борьбы, что объясняется уровнем интеллектуальной подготовки политического

актива и дискредитацией отстаиваемых им ценностей, заставляющей его мимикрировать и создавать деградировавший идейно-политический дискурс.

6. Поскольку большинство понятий, описывающих правящую интеллигенцию и ее виды, не выстроено в единую таксономическую систему, что затрудняет научный анализ, в диссертации разработана систематизация типов и видов властного слоя. По критерию способа легитимизации своей власти определены такие ее классы, как аристократия и олигархия. В качестве критерия классификации типов правящей интеллигенции использованы источник и каналы прихода интеллигенции к власти, что позволяет выделить три таких типа: примитивный, традиционный и современный, а в их рамках – «идеальные» и смешанные виды. В силу конгломерации черт названных видов в жизнедеятельности российской постноменклатуры последнюю можно определить как смешанный вид правящей интеллигенции с преобладанием черт олигархии, властной квазиинтеллигенции. Выяснено соотношение общего и особенного в политической деятельности постноменклатуры в сравнении с иными видами властной интеллигенции, при этом в качестве собственных черт постноменклатуры определены деградация ее аксиологической ориентации, источников, каналов и способов рекрутации постноменклатуры и ее структуры, уровня и направленности ее деятельности.

7. Углубление плюрализма политических функций интеллигенции в условиях роста аполитичности иных социальных страт привело к тому, что основная политическая и «классовая» борьба в стране в целом и во многих регионах все больше сводится к борьбе различных групп политизированной интеллигенции между собой – с присущими интеллектуалам особенностями, каналами и формами. Вместе с тем в ходе современных реформ неправящая интеллигенция в России во многом стала постинтеллигенцией, утратившей нравственные, профессиональные и интеллектуальные качества и большинство политических функций. *Общими* для интеллигенции трендами развития в 1990-2000-е гг. стали следующие: 1) она реализовывала практически все свои политические функции, только не одномоментно и с разной интенсивностью; 2) происходила ее усиленная институционализация в виде партизации и идеологизации ее деятельности, но ее претензия на политическую репрезентацию интересов больших социальных групп оказалась неудачной; 3) радикализм квазиинтеллигенции периодически приводил не только к ее поляризации, но и к «противоестественному» объединению усилий коммуно-фундаменталистов и «либеральной» постноменклатуры по совместной элиминации политического центризма, отражающего идейные интенции большинства населения; 4) нестабильность союзов политизированной интеллигенции и правящей элиты и безуспешное «хождение интеллигенции во власть» не смогли облагородить постноменклатуру, зато привели к деградации и дискредитации самих этих интеллигентов; 5) большая часть интеллектуальной «элиты» легко пошла на свою номенклатуризацию и

плутократизацию, примирение с авторитаризацией правящего режима; в силу чего интеллигентский «истеблишмент» впервые реверсировал собственно интеллигентскую ориентацию, проявив сервизм и народофобию; 6) деформации политических ориентаций и поведения интеллектуального «истеблишмента» привели к его полному морально-политическому перерождению; 7) интеллигенция не смогла качественно выполнить функции разработки стратегии общественно-политического развития, дискурса и языка, на котором ведутся политические дискуссии; 8) нарастающее лишение интеллигенции собственных ей каналов политического участия вызвало ее массовую деполитизацию и приватизацию деятельности и депрофессионализацию основных отрядов политизированной интеллигенции.

8. Поведение правящей элиты и политический статус оппозиционной интеллигенции в Татарстане во многом определяются особенностями менталитета населения. Именно этим обусловлены как легкость, с которой правящая элита совершила ряд трансформаций (этнизацию, рурализацию и непотизацию), так и неуклад демократической оппозиции. Иные особенности постноменклатурной РТ сформированы ее важнейшими характеристиками: аграрно-неономенклатурным происхождением, маргинальным статусом в городской цивилизации, агротехническим образованием, этнической принадлежностью, существованием в среде традиционалистских менталитетов, клановой солидарностью и рекрутацией и др.

9. Основная политическая борьба в рядах интеллигенции Татарстана представляется как конфликт между правящими агроэтнизированными маргиналами и полиэтнической городской контрэлитой (прежде всего в лице кандидатов и, реже, докторов наук). Эволюция политизированной интеллигенции республики определялась рядом общих, постоянных причин: 1) отходом большинства оппозиционеров от жесткой идеологичности и партийной верности своим московским лидерам при оценке региональных проблем с сохранением бесплодных ожиданий на их помощь; 2) меньшей политической активностью региональной интеллигенции в сравнении с общефедеральными показателями вследствие особо дискриминационной в ее отношении направленности политики правящего агро-постноменклатурного режима, кадровой, организационной и иной ресурсной слабостью, а потому и неустойчивостью и неуспешностью оппозиции; 3) дистанцированием правящего клана от политики Москвы и амбивалентностью его отношения к демократическим нормам российских законов; 4) ответной оппозиционностью всех демократических сил при дифференциации отношения отдельных оппозиционеров к власти; 5) наложением российских и татарстанских политических противоречий и партийных структур друг на друга, как следствие – их частичным «гашением»; 6) преобладанием центробежных тенденций к идеологической поляризации политизированной интеллигенции в РФ (постноменклатурные «либералы» и коммунисты) и к крайней поляризации

политических сил в РТ (правящей элиты и оппозиции) по проблемам демократии и законности; 7) центристскими тенденциями в среде электората, не поддающегося на этнократические интенции правящего клана и татарских этнонационалов, но одновременно поддерживающего лидера этого клана; 8) вытеснением городской неономенклатуры в экономическую элиту и «полуопозицию». Решение конфликта между модернизационной интеллигенцией индустриального общества как контрэлитой и традиционалистской этнической постноменклатурой аграрного общества возможно лишь при изменении общеполитической, региональной и этнонациональной политики Центра.

Теоретическое и научно-практическое значение. Проведенное исследование позволяет восполнить пробел в политологическом изучении интеллигенции посредством создания целостной концепции этого субъекта политического процесса в России. Результаты работы могут стать основой дальнейших теоретических и эмпирических исследований интеллигенции политологами.

Основные положения и выводы исследования могут быть и были использованы при разработке нормативных актов, законов, при политологической экспертизе конкретных политико-управленческих решений. Практическая ценность полученных результатов связана с возможностью их применения в процессе преподавания социально-гуманитарных дисциплин, в частности, при чтении спецкурсов по элитологии, политологии, политической философии, социологии политики, истории политических учений, политологии. **Аннотация результатов исследования.** Содержание диссертационного исследования нашло отражение в научных публикациях автора, в том числе в трех монографиях. По теме диссертации автором опубликованы 63 научные работы общим объемом 168,75 печатного листа. Материалы диссертации использованы для написания учебных курсов и учебников по политологии, истории политических учений, социологии, социальной стратификации, обществознанию. Отдельные идеи и выводы диссертационного исследования многократно докладывались на международных, всесоюзных, всероссийских, республиканских, межрегиональных научно-теоретических и научно-практических конференциях. Диссертант имеет четыре статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах перечня ВАК. Основные положения работы обсуждались на теоретических семинарах ИППК при МГУ, Казахском университете, Казанском техническом университете им.А.Н.Туполева, диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседаниях кафедры социологии, политологии и менеджмента КГТУ им.А.Н.Туполева и кафедры политологии Казанского государственного университета.

Исследование имеет выход на современную политическую практику. Отдельные его положения нашли свое отражение в программных и аналитических документах ряда общероссийских партий, политических движений РТ, в Конституции РТ (альтернативный проект которой в 1992 г., разработанный при

участии автора и прошедший международную экспертизу, был одобрен тремя постоянными комиссиями Верховного Совета РТ, а официальный проект принят с учетом ряда его предложений; многие предложения автора были учтены в новой редакции Конституции РТ 2002 г.), в Декларации о государственном суверенитете ТССР (авторская идея юридического равноправия двух основных языков РТ), Законе РТ «О языках народов РТ» (обсужденный на сессии Верховного Совета РТ альтернативный проект которого разработан при участии автора, а ряд идей вошел в принятый закон) и некоторых иных Законах РТ, в нормативных и правовых документах исполнительных и законодательных государственных органов РФ (авторская идея особого статуса РТ).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разбитых на восемь параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснован выбор темы, ее актуальность, степень разработанности, сформулированы цель и задачи, определены объект и предмет исследования, охарактеризованы теоретико-методологическая и источниковая база научного исследования, раскрыты научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, а также теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования роли интеллигенции в политическом процессе» посвящена рассмотрению основных подходов к интеллигенции как субъекту политики. В первом параграфе **«Понятие и структура интеллигенции как политического субъекта»** выделены важнейшие трактовки понятия «интеллигенция как субъект политики» и предложена его авторская интерпретация. Проанализирована методологическая фундированность существующих оценок таксономического ранга интеллигенции, концепций интеллигенции как единого слоя, как класса и элиминации интеллигенции, обосновано, что интеллигенция, осуществляя стабильные функции в обществе, сохраняет себя и свои границы как единый социальный слой, в рамках которого может появиться жесткий правящий класс.

В диссертации интеллигенция анализируется в двух срезах: а) как социальный слой, профессионально выполняющий интеллектуальные функции (управления людьми и/или развития культуры), выделение специфических функций интеллигенции является новацией автора; б) как субъект политики, как обладающее качествами интеллигентности ядро разнородного социального слоя интеллигенции, осуществляющее консолидирующую, политико-строительную функцию, сервисную функцию артикуляции, агрегирования и репрезентации социальных интересов иных субъектов политики, также как и своих собственных, функцию индоктринации сознания названных политиче-

ских субъектов, роль социального лидера-паттерна и катализатора кристаллизации политической инфраструктуры. Раскрывающим сущностные черты интеллигенции как субъекта политики является проведение единого функционального подхода к определению интеллигенции, к выделению в ее составе политического отряда, к разведению правящей и неправящей интеллигенции; профессионально занятого политикой и политизированного компонентов интеллигенции, а также к анализу структуры интеллигенции как политического субъекта, к вычленению в ее рядах кратических, инфлюэнтных и партиципаторных субъектов политики (в контексте притязаний на власть); политической элиты и интеллигентской массы; а также дихотомии интеллигентского ядра и периферии, что позволяет более предметно исследовать политические потенции и интенции интеллигенции. В этом плане представляет новизну и обоснование разновекторности трендов эволюции не только правящей элиты (как вида квазиинтеллигенции в России) и интеллигенции в целом, но и интеллигентской элиты и ядра интеллигенции.

Отказ политическому отряду интеллигенции в ранге класса не равнозначен непризнанию наличия властного класса в его составе. Так, при номенклатурном социализме и в ряде посттоталитарных обществ при сочетании аскрипции и замкнутости, закрытости класса превалирует последняя. Это предполагает ситуации, в которых индивид в принципе может заслужить вхождение в высший класс, однако при этом: а) каналами восхождения часто являются действия, влекущие общественное осуждение (недемократическая форма занятия должностей в сфере власти и др.); б) преобладает групповая, а не индивидуальная мобильность, т.е. вхождение в высший класс определяется связями; в) господствует кумулятивный эффект наложения разных статусов: номенклатурная бюрократия, плутократия, обмен власти на собственность, жесткая «завязка» всех социальных возможностей на должностной и собственнический статус; г) регулятором статусных позиций и социальной мобильности является неписаное право (скрытые привилегии высших слоев, ранговые препятствия для мобильности, латентное распространение привилегий и депривации на потомство). В силу этого постноменклатура в современной РФ – это реальный социальный класс, жестко структурированный, охраняющий свои социальные границы и четко осознающий свои корпоративные интересы.

Во втором параграфе «**Теоретические подходы к анализу политических функций интеллигенции**» рассмотрены основные методологические подходы к оценке политических функций интеллигенции, проанализирована степень адаптивности каждого из них к современной российской политической практике. Эволюционистский неопозитивизм представлен структурным функционализмом и теорией стратификации. Первый из них выделяет интеллигенцию по ее функциям и потому трактует ее как слой «профессионалов», выполняющий функции экспертов и идеологов, зависящих от власти или общества,

что явно неадекватно ни ее роли в политических процессах современности (например, в период перестройки в СССР), ни ее собственным политическим интересам. Вторая теория (А.Здравомыслов, М.Горшков, В.Умов, В.Радаев, С.Ершов, В.Ильин, И.Грачев, В.Костиков и др.) заменяет интеллигенцию аполитичным «новым средним классом», что, на наш взгляд, затушевывает глубокие внутренние различия внутри этого «класса», полностью элиминирует интеллигенцию как субъект политики и вызвано политической конъюнктурой, опасением перед авангардной ролью интеллигенции в политико-идеологической борьбе. Теории среднего класса отвергают особость политической миссии и функций и самостоятельные политические интересы интеллигенции, являются интеллифобными и более консервативными, чем функционализм, хотя тенденции к деполитизации интеллектуалов в современной России и прослеживаются.

Конфликтологический неопозитивизм предлагает концепцию конкуренции, анализирующую конфликт между властью и интеллигенцией в терминах борьбы «носителей собственности и функции». Под последней понимается компетенция интеллектуалов как атрибут, необходимый для общества, но не всегда для власти, чувствующей потенциальную опасность имеющегося у интеллигенции телеологического и гуманитарно-технологического знания и постепенно перекрывающей каналы профессионального и социального служения интеллигенции, маргинализируя последнюю и отбрасывая ее в оппозицию. Основную роль в обосновании конкуренции, революционности и оппозиционности интеллигенции сыграл неомарксизм (Ч.Миллс, Г.Маркузе, Ч.Рейч, Н.Пулантас, Р.Гароди и др.), хотя признают эту ориентацию интеллигенции и многие зарубежные и российские консерваторы. В действительности природе интеллектуальных профессий присуще известное дистанцирование от власти и приложения данной концепции довольно четко прослеживаются в политической деятельности интеллигенции России 1990-2000-х гг.

Конфликтологический гуманитаризм, представленный различными формами марксизма, выделяет в «органической», или «политической» интеллигенции ее специфическую роль политического обслуживания «заимствованных интересов». Основными вариантами этой концепции являются: а) «сервисная» трактовка (К.Маркс, Ф.Энгельс, К.Каутский, Г.Плеханов), определившая ряд факторов реализации роли интеллигенции в политике (опору на один из классов общества; идеологическую и партийную институционализацию; лидерские качества; политическую активность); б) «активистская» трактовка, отводившая интеллигенции более активную роль индоктринации отдельных классов (В.Ленин, А.Грамши и др.). Однако данная концепция теряет свою объяснительную способность в силу массовизации интеллигенции и рождения у нее собственных политических интересов.

Гуманитаристский эволюционизм в рамках концепции «нового класса интеллигенции» акцентирует дискурсивную (А.Гоулднер, М.Номад), телеологическую (И.Селеньи, Дж.Конрад, фактически развившие идеи А.Вольского-Махайского) или негэнтропийную (К.Манхейм, Р.Арон, Дж.Гэлбрейт, А.Гелла, Р.Пайпс, П.Штомпка, Л.Фойер, Д.Овсяннико-Куликовский, В.Меметов, Ю.Вейнгольд, К.Акопян, О.Степанова, Г.Аксенов, Г.Водолазов, В.Сперанский) миссию последней. В ряде случаев эта концепция преувеличивает меру самостоятельности и политическую роль интеллигенции.

Можно констатировать ряд нарастающих подвижек в признании российской властью политических функций интеллигенции в XX-XXI вв. После революции концепции конкуренции и активистской роли интеллигенции были забыты. С периода сосуществования новой власти и старой интеллигенции (годы нэпа и сменовеховства) власть заинтересовала концепция деполитизации интеллектуалов. Второй период сталинизма (1934-1953 гг.) О.Гаман-Голутвина и др. характеризуют как установку верховной власти на кардинальную реорганизацию ряда звеньев правящего слоя, по отношению к которому масштаб репрессий был более значителен, чем в среде неэлитной массы. Согласно позиции, идущей от И.Эренбурга, сталинский террор не имел определенной логики. На наш взгляд, при Сталине степень опасности для жизни интеллигента зависела, во-первых, от близости его ремесла к политике, во-вторых, от родственной и иной связи с политиками. Этап «оттепели» частично вернул интеллектуалам роль идеологов в прикладных вопросах, породив у власти надежду на союз с интеллигенцией. На этапе «застоя» резкое усиление дискриминации интеллигенции сочеталось с привлечением властью интеллектуалов по линии адсорбции, а абсорбция проходила путем интергенерационного социального обмена, что позволило части неономенклатуры впоследствии поддержать перестройку. Вместе с тем «застой» отразился на позициях интеллигенции в виде разнообразных идей «интеллекратии». Перестройка вначале воссоздала союз власти и интеллигенции, разрушенный из-за непоследовательности власти и радикализации интеллигенции. В период развития гласности (с 1986-1989 гг.) выделяются такие тенденции в отношениях власти к политизированной интеллигенции: а) непоследовательность оценки правящей элитой политизированной интеллигенции; б) выбор руководителями КПСС главной опасности в лице политической цитоплазмы; в) попытки союза кокуса элиты с политическим активом; г) борьба политических лидеров с дисфункционалами; д) переход бюрократической цитоплазмы от подавления гласности к игнорированию критики; е) уход этой цитоплазмы в открытую оппозицию к власти. С 1989 г. важнейшими тенденциями стали следующие: а) допущение партийной институционализации интеллигенции; б) стремление кокуса элиты перевести уличную борьбу народа в парламентское русло и интеллифобная линия консервативной цитоплазмы в парламенте; в) устранение центристского руководства совместными усилиями

консерваторов и «либералов». В целом, для перестройки характерно сохранение социальной дискриминации интеллигенции при признании ее политических функций и инкорпорации ее в состав элиты.

На этапе реформ 1990-х гг. в подходе властей РФ к политизированным интеллектуалам общими тенденциями стали следующие: а) перерождение пришедшей во власть интеллигенции в постноменклатуру; б) переориентация власти с интеллигентских задач на постноменклатурные и криминальные при игнорировании интересов интеллигенции; в) вытеснение интеллигентов-демократов из властных структур; г) отказ власти от диалога с интеллигенцией; д) «закрытие» каналов воздействия интеллигенции на власть. В целом правление ельцинской элиты характеризовалось резким усилением дискриминации «служилой» интеллигенции, отбрасывающим ее в оппозицию. На этапе 2000-х гг. налицо нарастание интеллектофобии правящей элиты, выражающееся в таких тенденциях: а) отказ властей от интеллигентского идейно-политического плюрализма; б) технократизация, коммерциализация и инструментализация сфер труда массовой интеллигенции, ее ядра; в) застой в рядах правящей элиты, ее преторианизация и плутократизация. В работе обосновываются причины нарастания интеллектофобии власти. Власть оценивает интеллигенцию лишь как экспертов, избранную ею же «интеллектуальную элиту» – как привилегированный, не слишком культурный и потому аполитичный средний класс, а массовую интеллигенцию – как узких профессионалов, в отличие от Запада имеющих заниженную оплату труда и низкий престиж. Это отношение к интеллигенции является проявлением деформированной недемократической модернизации в стиле американизированной глобализации.

Вместе с тем, наряду с внешними в отношении интеллигенции факторами, порождающими амбивалентную оценку властью ее политических функций, серьезную роль в развитии интеллектофобии играют традиционалистская ориентация части образованных слоев, противоречивая политическая деятельность интеллигенции, сужение ее социальных и общечеловеческих функций до узко-профессиональных, сохранение таких черт, как кастовость, нетерпимость и склонность к насилию; ряд сравнительно новых базовых черт интеллектуалов, позволяющих судить о становлении постинтеллигенции: ее быстрая идейная конверсия, снобизм, обмещивание и властелюбие, потеря народофилии, сострадания и стремления к свободе, политической миссии и интеллигентности, особенно в среде «интеллигентской элиты», уходящей из состава ядра интеллигенции на ее периферию, ее депрофессионализация и маргинализация; трансформация решающей деятельности постинтеллигенции в процессах этнического возрождения в роль главного субъекта инфраструктуры национальных конфликтов. Вместе с тем потребность общества в интеллигенции не может исчезнуть вследствие эксклюзивности ее функций как субъекта институционализа-

ции политических сил и отражения в ведомой интеллигенцией идеологической борьбе социальной борьбы в форме теорий, пропаганды и агитации.

Вторая глава «Типология российской интеллигенции как субъекта политического процесса» посвящена анализу политической роли отдельных компонентов и типов интеллигенции. В первом параграфе **«Элитные и массовые слои в составе российской интеллигенции»** обоснована потребность в полном таксономическом описании основных компонентов интеллигенции как субъекта политики и исследовании их функций. Анализируя существующие трактовки политических элит и критериев их выделения, автор предлагает использовать перекрестный вариант комплексного репутационно-функционального подхода, сочетающего итоги экспертного и массового опросов. Поскольку в большинстве градаций акцент делается на субъективные критерии и игнорируются контрэлиты, автор убежден в необходимости функционального подхода к анализу состава элиты, позволяющего выделить в ней по своим функциям в политике кокус (выполняющий функции политического господства) и политическую цитоплазму (осуществляющую функции управления). Кокус состоит из лидеров и акторов второго плана, цитоплазма – из низестоящих управленцев и привилегированного зависимого слоя, также вычленяемых по исполняемым функциям. В целом ни одна элита не может обойтись без реализации функций идеолога, организатора и политика-харизматика, другое дело, как соотносится политическая сила входящих в кокус элиты их носителей. Однако все названные типы, реализуя необходимые интеллигенции функции, этим и отличаются от дисфункциональных деятелей.

Помимо элиты, интеллигенция как субъект политики охватывает и политизированную интеллигентскую массу, по критерию форм подчинения политической элите и уровню профессионализации своей политической деятельности подразделяющуюся на входящий в постноменклатуру (но не в правящую элиту) вассалитет и политизированный интеллигентский актив. Вассалитет состоит из несобственно политических агентов, из зависящих от правящей элиты руководителей разного уровня на предприятиях и в учреждениях. Прямая подконтрольность вассалитета правящей элите определяется способом его ротации, его статусом и функциями, мало изменившимися с советских времен.

Политический актив включает активистов партий и движений и неинституционализированных лиц, занимающихся политикой, по вектору исполняемых функций охватывая эвфункциональный актив (волонтеров) и дисфункционалов (саботажников), категории, имеющие сложную структуру. В состав современной правящей интеллигенции, в отличие от неправящей (а также в отличие от советского времени), волонтеры не входят. Попытки правящей элиты в РФ возродить институционализированный «актив» показывают идейную несостоятельность политтехнологов, взявших из советского прошлого худшие, а не лучшие способы политической мобилизации. Слабо применима и градация ак-

тива М.Дюверже к анализу категории волонтеров, включающей в современной России ряд групп, часть из которых исполняет сугубо интеллигентские функции, содействуя партийной и идеологической институционализации интеллигенции. Для существования интеллигенции как политического агента и, с этой целью, выявления и элиминации дисфункционалов представляется необходимой типологизация последних по степени осознанности ими своей деятельности, мотивам политического участия, соотношению профессиональности и самодетельности в реализации их дисфункций.

В этом плане в работе подвергнуты отдельному анализу используемые интеллектуалами в политической борьбе методы и дискурсы – не только в силу их значимости для все более виртуализируемого и вербализируемого политического процесса, но и вследствие особой роли интеллигентов-идеологов и политиков в их разработке и применении. Идейные средства составляют основную форму политической борьбы интеллигенции. Вместе с тем сущность и содержание идейных позиций политизированной интеллигенции не всегда поддаются идентификации из-за того, что ее противоборствующие группировки применяют неадекватные методы, стили и приемы дебатов, лексикон. Они все чаще напрямую апеллируют к публике в попытке персонифицировать, партизировать и психологизировать идейное противоборство, чтобы уйти от анализа аргументов. Диссертант предлагает типологию способов психологизации интеллигентского дискурса, «силовых методов» ведения идейно-политических дискуссий, выделяя среди них административные методы (как запретительные требования, так и метод насильственного «насаждения прогресса»), приемы «психологической войны» и «прямые действия». Методы «психологической войны» охватывают избыточную политизацию дискурса, его сенсуализацию и тривиальные нарушения правил полемики и формальной логики. Конкретный анализ позволяет констатировать, что в последние десятилетия интеллектуалы в России создали относительно новый, сильно деградировавший дискурс.

Во втором параграфе **«Российская постноменклатура как вид правящей интеллигенции»** выделены общие для всех видов правящей интеллигенции и специфические черты российской постноменклатуры. Формирование конкретного типа правящей интеллигенции определяется как социально-экономическим строем, так и соотношением социально-политических сил. Поэтому целесообразно привести авторскую систематизацию ее типов и видов, чтобы выявить, какие из них характерны для современного российского и, в частности, татарстанского общества и, соответственно, каковы их интенции, потенции и тренды развития. В науке практически отсутствует внимание к интеллигенции, участвующей во власти, заменяемое или общей недифференцированной оценкой всей интеллигенции, или анализом лишь политической элиты. Разведя правящую и неправящую интеллигенцию, мы выделили в каждой из них элиту и интеллигентскую массу. Несмотря на обоюдный характер влияния

этих компонентов интеллигенции, элита, прежде всего правящая, в силу своих качеств и имеющихся у нее средств власти, предопределяет и складывание определенного типа политизированной массы, а иногда сознательно минимизирует в составе последней объем и политическое участие волонтеров, заменяя их политической цитоплазмой и прямо зависящим от элиты вассалитетом. Поэтому ряд названий видов правящей интеллигенции совпадает с наименованиями типов политических элит. Основными *классами* правящей интеллигенции являются аристократия и олигархия, различающиеся по способу легитимизации их власти. Олигархия – класс квазиинтеллигенции, монопольно правящий благодаря возможностям социального статуса, транспонируемым ею во власть политическую: это примитивные элиты (клановая система) и традиционные квазиинтеллигенции (плутократия, номенклатура, неономенклатура и постноменклатура). Аристократия – это класс интеллигенции, правящей благодаря рациональной легитимизации: бюрократия, технократия и меритократия (ноократия).

В качестве критерия систематизации *типов* правящей интеллигенции предложены источник и каналы ее прихода к власти, что квалифицирует ее сущность (качество) и степень соответствия той или иной цивилизации и типу политического строя. На этой основе автор выделяет три типа правящей интеллигенции: примитивный, традиционный и современный. Первый тип – примитивная, архаичная квазиинтеллигенция, адекватная аграрной цивилизации (патриархальные и вассально-клиентельные кланы). Эти кланы обходятся без политических волонтеров и потому, подчиняя собственный вассалитет, представляют собой всю правящую квазиинтеллигенцию. Ей свойственны полная социальная закрытость, аскрипция, эндогамия, социальная пропасть между ней и остальным обществом, которое ее не выбирает, не участвуя в элитообразовании и формировании органов власти. Второй тип – традиционная интеллигенция, адекватная эпохе перехода от аграрной цивилизации к индустриальной и принимающая, по нашему мнению, следующие формы: а) при либеральной модели такого транзита – квазиинтеллигенции в лице плутократии или парайнтеллигенции в форме бюрократии; б) при коммуно-фундаменталистской модели модернизации – номенклатуры и неономенклатуры как форм квазиинтеллигенции, крайне корпоративных и недемократических видов бюрократии. Подобные формы правящей квазиинтеллигенции составляют жесткие классы, т.к. свойственны полужакрытому, замкнутому обществу, где, как правило, нет юридических запретов на рекрутацию в состав правящей элиты, однако имеются весьма жесткие границы, закрывающие эту элиту, фактическая аскрипция элиты, значительная социальная дистанция между правящей квазиинтеллигенцией и остальным обществом. Последнее может и голосовать, но выбирать ему приходится между разными группировками правящего жесткого класса. Третий тип правящей интеллигенции – современная, адекватная индустриальной цивилизации и эпохе перехода к гуманитарно-информационному обществу, – включа-

ет технократию (как протоинтеллигенцию) и меритократию, или ноократию (как реальную интеллигенцию). Современные виды правящей интеллигенции являются мягкими классами, классоидами, ибо характерны для реально открытого общества, где снижена вышеупомянутая социальная дистанция, нет аскрипции и социальной закрытости ни элитной, ни массовой части участвующей во власти интеллигенции. Контроль за своими социальными границами она осуществляет косвенными методами и рационально-легальными средствами, благодаря чему она трансформируется в параинтеллигенцию.

Представленная градация типов и видов правящей интеллигенции эффективна при анализе характера последней в современной России. При М.Горбачеве неономенклатура демократизировалась и гуманитаризировалась, трансформируясь из жесткого класса в социальный слой, меритократию и параинтеллигенцию, однако сохранение важнейших номенклатурных черт дает основания характеризовать ее как переходную к постноменклатурной. Ельцинская правящая квазиинтеллигенция представляла собой первый этап функционирования постноменклатуры. В 2000-е гг. начался второй, преториански-чиновничий, также автократический этап развития постноменклатуры, а в Татарстане сформировался смешанный вариант постноменклатуры, сочетающий в себе элементы всех олигархий, тогда как контринтеллигенция РФ до начала регулируемого партстроительства 2000-х гг. неизбежно являлась открытой. Постноменклатура является во многом синтетическим феноменом, вобравшим в себя признаки самых разных олигархий. Основные ее характеристики совпадают с общими чертами любой олигархии: это социумоцентризм; закрытость, отсутствие реальной выборности, добровольного актива, наличие жестких социальных границ, большой социальной дистанции; монополия на политические решения, формирующие из постноменклатуры жесткий класс; и как следствие — неадекватность эпохе перехода к информационному обществу.

Несколько преобразовалась ее аксиологическая ориентация, в частности, соотношение присущих ей идеократии, этатократии и патримониализма. Идеократия, связанная с деятельностью интеллигенции, у постноменклатуры почти исчезла, этатократия на словах вышла на первый план, однако на деле деятельность правящего класса пронизана такими клановыми чертами патримониализма, как сервильность подчиненных и фаворитизм, снобизм и народофобия начальников — характеристики примитивных кланов и плутократии. Несколько деградировали источники, каналы и способы рекрутирования постноменклатуры. Важным стало не столько пролетарское, сколько номенклатурное происхождение, связи политической и бизнес-элиты, в 2000-е гг. — пошаговая карьера и горизонтальные смещения (из бизнеса, с места прежней работы президента, из силовых структур). Произошла деинтеллектуализация, примитивизация, иррационализация и криминализация состава и социальных связей постноменклатуры. Выделенные черты правящей интеллигенции являются родовыми, свойст-

венными всему жесткому классу постноменклатуры. Региональные властные группы, наряду с ними, обладают также чертами периферийными, т.е. общими для любой провинциальной постноменклатуры или для группы регионов, и специфическими, рожденные особенностями конкретного региона.

Третья глава «Дифференциация политических позиций отечественной неправящей интеллигенции» посвящена анализу эволюции политического поведения российской интеллигенции. В первом параграфе **«Генезис и политическое позиционирование постсоветской интеллигенции»** исследуется политическая деятельность интеллигенции до событий октября 1993 г. В XX – начале XXI вв. выделяется ряд уровней этой деятельности. Открытая политическая борьба в 1917-1920 гг., сменившаяся в 1921-1929 гг. допущением протономенклатурой лишь внутрипартийных оппозиций, под давлением властей в 1929-1953 гг. переросла в основном в латентное дистанцирование, к 1960-м гг. дополненное открытым диссидентским движением. Однако последние два явления в силу их слабости нельзя назвать оппозицией. Предметом дискуссии является оценка степени и масштабов оппозиционности интеллигенции. Неомарксисты А.Гэлл и Л.Фойер, А.Кустарев, М.Буянов абсолютизируют эти феномены, другие (включая ряд диссидентов) обосновывают низкую эффективность и малочисленность интеллигентской оппозиции, а Л.Черчуорд, И.Селеньи, А.Кузьмин, В.Согрин, А.Колесников акцентируют идейно-политическую дифференциацию советских интеллектуалов. На деле, развитию диссидентского движения препятствовали рабочее происхождение, моральное вырождение, политическая аккомодация многих интеллигентов.

В «послезастойный» период произошло расширение каналов воздействия интеллигенции на власть. На этапе гласности (1986-1989 гг.) выделяются такие тенденции в реполитизации интеллигенции: а) поддержка интеллигенцией руководства при ее неготовности к классической для себя роли, отставание научного осмысления реформ от практики, а политического актива – от кокуса правящей элиты; б) вытекающие из этого и из доминирования в идейной борьбе эмоций деятелей искусства над рационализмом ученых чрезмерная агрессивность интеллигенции и превалирование административных и психологических методов ее борьбы; в) быстрая кристаллизация позиций, радикализация и институционализация интеллигенции, перерастание ее стратегического союза с руководством страны при рассогласованности их действий в тактическое союзничество при несогласии в принципиальных вопросах и при союзе правых оппозиций («либералов» и этнонационалистов) с конца 1987 г.; г) превращение интеллигенции из инфлюэнта в партиципатора и даже претензия на трансформацию в кратоса путем организации паропартийных объединений, овладения СМИ и общественным мнением; д) смена печатных форм борьбы на уличные действия, способствовавшая приходу отдельных интеллигентов во власть, но неуклонно лишавшая их интеллигентности; е) объединение усилий консерва-

тивной бюрократии и «либерально»-постноменклатурных лидеров в противостоянии линии М.Горбачева.

На этапе собственно политического взаимодействия интеллектуалов и элитного кокуса (1989-1991 гг.) стали преобладать иные тренды: а) бум электро-альной активности интеллигенции, почувствовавшей не только широкую социальную опору, но и мощное оппонирование властей и радикальных трудовых коллективов; б) попытка парламентской институционализации интеллигенции; в) начало партийной и идеологической институционализации интеллигенции, ужесточение борьбы между коммуно-фундаменталистами, демократами и «либералами»; г) открытая борьба за власть между консервативной частью кокуса и постноменклатурно-«либеральной» контрэлитой при параличе воли лидеров первого плана в 1991 г. Синхронизация атак крайних заменена их смыканием. Дискуссионным остается вопрос о причастности интеллигенции к прекращению перестройки. «Объективисты» (В.Кувалдин и др.) в целом считают, что альтернативы отхода от демократии не было в силу характерных слабостей интеллигенции, «субъективисты» (Н.Злобин, В.Межуев, С.Говорухин) убеждены в личной виновности столичных «либеральных» интеллектуалов. По нашему мнению, хотя существовали и объективные предпосылки лабильности интеллектуалов, при неразвитости политического сознания масс и неустойчивом равновесии сил, многое зависело от позиции и действий конкретных интеллигентов. В целом, горбачевский этап привел к временному возрождению особой миссии интеллигенции, к овладению интеллектуалами рядом утраченных ими политических функций: идеологической, активистской, организаторской, репрезентативной. Интеллигенция осознала свою необходимость как политического посредника и союзника власти и народа. Отход большей части интеллигенции от поддержки режима М.Горбачева лишили последний социальной базы. Причинами мобильности ее позиций явились критическая направленность ее природы и ее политическая неразвитость, а следствием – частичная утрата ряда черт классической интеллигенции и начало ее превращения в постинтеллигенцию.

В 1991-1993 гг. проявился ряд трендов в политическом позиционировании интеллигенции, позже упрочившихся:

1. Открыто артикулируемое моральное и идейно-политическое перерождение большинства «либеральных» интеллигентов. Его причины В.Межуев, А.Бузгалин, В.Кувалдин, А.Панарин трактуют как объективные, а В.Толстых, П.Волобуев, Г.Шахназаров, С.Кара-Мурза, А.Борщаговский, Л.Остерман – как субъективно-психологические. На наш взгляд, необходимо выделять и объективные условия, питающие данный процесс, и субъективные причины народо-фобии и кратофилии такой интеллигенции, говорящие об ее ответственности.

2. Смена во властных структурах демократической интеллигенции на «либерально»-постноменклатурную, взаимное разочарование власти, интеллек-

туалов и народа, начало массовой деполитизации интеллигентов. Ельцинский режим резко расколол интеллигенцию, социал-демократы из-за оторванности от народа и неспособности к самоорганизации упустили шанс на ноократию, а «либералы» потеряли социальную поддержку в силу утраты интеллигентности, поддержки ими постноменклатуры и отказа от демократии, позволявшей интеллектуалам не только свободно осуществлять профессиональные функции, но и специфически воздействовать на власть.

3. Партийная институционализация интеллигенции, играющая большую роль в ее политическом самоопределении в силу наличия у нее специального образования, традиций генерализирующего мышления и «кухонной институционализации» в предыдущие годы, но затрудненного незначительностью взаимного влияния протопартий и интеллигенции.

4. Переход инициативы в создании партий от кокуса элиты к интеллигентскому активу (т.е. замена «нисходящего» партогенеза на «восходящий» и «горизонтальный»). В работе на основе предложенной градации видов партогенеза рассмотрено взаимное воздействие политического участия интеллигенции и способа генезиса партии. В партиях восходящей мобилизации решающую роль играет интеллигенция и меньше влияние властей.

5. Идеологическая институционализация интеллигенции (как переход от спорадической идейной борьбы аморфных и неустойчивых политических позиций и течений к борьбе реальных идеологий, за которыми стоят интеллигентские политические институты). Автор определяет позицию в вопросах характеристики «идеологии» властей РФ как консервативной и либеральной, отождествления либерализма и демократизма, выделения множества идеологий. Неправомерно любое идейное течение (например, национализм) объявлять идеологией. Идейно-политические течения в России начали превращаться в политические идеологии в 1990-е гг. благодаря своей институционализации, верификации, упрочению их установок в сознании отдельных слоев вследствие становления новых укладов и классов, развития конкуренции идей, появления политизированной интеллигенции как слоя разрабатывающих и транслирующих основы идеологий политологов, идеологов и политиков. Однако институционализации идеологий мешают как второстепенный характер социоэкономических делений в обществе, так и деполитизация интеллектуалов и утрата классовой идентификации. Подразделение интеллигенции по реальным идеологиям охватывает: а) «либералов», игнорирующих принцип справедливости; б) коммунистов-фундаменталистов, игнорирующих принцип свободы, в) социал-демократов, синтезирующих принципы свободы и справедливости, г) «промежуточных»: как социал-либералов, так и социалистов, д) отвергающих ценности основных идеологий, сходящихся в базовом аксиологическом негативизме с неофеодальным консерватизмом («партия власти»). Архаизация и деградация идей характерна и для «либералов», ориентирующихся не на демократизм

Дж.Локка, а на либерализм XIX в. и тоталитарные концепты, в силу чего «либерализм» стал плутократически-компрадорским элитарным течением.

6. Уход от идеологического противостояния отрядов интеллигенции к политической репрезентации дихотомии социальных интересов. Интеллигенция постепенно осознает, что основное противоречие лежит в несовместимости интересов жестких классов постноменклатуры и безвластного народа.

7. Поляризация и радикализация интеллигенции при сжатии политического центра. По мере партизации интеллигенции и заполнения партиями политического пространства в России складывалась многопартийность. Этап зарождения протопартий (1990-1991 гг.) сменился этапом становления реальной партийной системы в РФ (1991-1993 гг.), когда сначала появилась атомизированная плюрипартийность, а затем произошла дальнейшая идеологическая кристаллизация партий. Авторская систематизация партийных систем позволяет выявить роль интеллигенции и постноменклатуры в формировании определенной конфигурации партий и типологизировать партизованную интеллигенцию России в 1991-1993 гг. Автор не согласен с мнением о биполяризации идейно-политических умонастроений интеллигенции, так как ее большая часть не поддержала ни ГКЧП, ни реформы Б.Ельцина. Причинами начала департизации интеллигенции стали игнорирование партиями основного социального противоречия, перевод межпартийной борьбы в систему крайней поляризации с превалированием центробежных тенденций, ожесточением борьбы и расширением политической дистанции между флангами с целью очередного разгрома популярного политического центра.

Во втором параграфе **«Интеллигенция как субъект политического процесса в современной России»** анализируется эволюция политических позиций современной интеллигенции. Закрепление монополии постноменклатуры на власть в 1994-1999 гг. покончило с активным и определяющим участием интеллигенции и остального народа в политике. На данном этапе в развитии политизированной интеллигенции выявились такие тренды: а) примирение большинства «либералов» с авторитарным поворотом, кровопролитием, уничтожением парламентаризма, запретом ряда крупных партий и газет, построением суперпрезидентской республики; б) окончательный разрыв союза уже не нуждавшейся в интеллектуальном сопровождении, власти и интеллигенции; четкий переход интеллектуалов-демократов и патриотов к оппонированию власти и поддержавшей ее интеллигенции из-за криминальности действий кокуса элиты и его постноменклатурного характера. «Либералы» так и не решились перейти в реальную оппозицию, поставив себя вне политической системы: не у власти и не в оппозиции; в) окончательная морально-политическая деградация «либеральных» интеллектуалов, особенностью которой стали всесторонность и ревизия традиционных для интеллигенции идейно-политических ориентиров в сторону кратофилии, антипатриотизма, народофобии, правового нигилизма, регу-

лярной лабильности и перебежек от одного кокуса элиты к другому; г) номенклатуризация и плутократизация крупного сегмента политизированной интеллигенции; создание сугубо постноменклатурных и полуноменклатурных партий и СМИ, элиминирующее функции и меняющее состав политизированных интеллектуалов, из которого вымывались деятели культуры, заменяемые профессионалами, проходившими в 1990-е гг. путь от членства в классоиде к пожизненному членству в постноменклатуре. Номенклатуризация партий поставила партизованную интеллигенцию перед выбором: самим стать частью постноменклатуры и вассального истеблишмента или уйти с партийной работы; д) департизация массовой интеллигенции и деинтеллектуализация партийной системы (силовое вымывание наиболее адекватного интеллигенции политического центризма, волнообразная, по электоральному циклу, поляризация партизованной интеллигенции при переводе системы крайней поляризации в систему с доминирующей партией, приватизация деятельности интеллектуалов); е) элиминация функции репрезентации интеллигенцией основного социального противоречия и идеологических различий. Целью политической борьбы интеллигенции является не собственный приход к власти, а задействование каналов реального воздействия на власть. Однако исчезновение рефлексии большинства политизированных интеллектуалов на тему об основном социополитическом противоречии российского общества не позволяет достичь указанной цели.

В 2000-е гг. интеллигенция лишилась большинства политических функций, утратив возможности воздействия на власть. В ее деятельности проявились такие тенденции: а) косвенное политическое участие в виде задействования гуманитариями узкоспециальных каналов политической пропаганды вследствие лишения ее прямых сугубо интеллигентских каналов участия; б) дальнейшая приватизация деятельности и ориентаций интеллигенции, полная деполитизация и обмещивание большинства интеллектуалов, заменившие «активистскую» функцию интеллигенции на роль «политического пассива», «отстающего» от иных слоев; в) моральная и политическая деградация многих интеллектуалов, пришедшая к логическому завершению, к полной противоположности их позиционирования в четырехугольнике «интеллектуалы – власть – богатые – народ» интеллигенции XIX в.; г) превращение большей части интеллектуальной элиты в открытого транслятора идей агрессивного глобализма, каковую роль до 1992 г. играла лишь «либеральная» интеллигенция. Подлинное ядро интеллигенции и видимая на экранах элита все больше расходятся как по составу, так и по политическим ориентациям и культурным дискурсам; д) депрофессионализация всех отрядов политизированной интеллигенции и окончательная номенклатуризация политического процесса, становление партийной системы с партией-гегемоном.

Представленная в главе аргументация позволяет решить вопрос о существующем типе интеллигенции как субъекте политики в России и времени гене-

зиса постинтеллигенции. Утеря в годы реформ политических функций, возвращенных интеллигенцией в период перестройки, доминирование в ее среде не свойственных ей ранее базовых черт, частью рожденных привилегированным положением ее «элиты», частью находившихся на периферии ее политического поведения, позволяют говорить, что генезис постинтеллигенции завершился в середине 1990-х гг. Среди черт постинтеллигенции можно назвать: а) выход на первый план характеристик, вытекающих из сервисной политической функции интеллигенции, рождающей в ее составе политическую дифференциацию, при этом у одних – ригидность и ригоризм, у других – политическую лабильность, анархистскую нетерпеливость и идейную конверсию; б) появление новых черт, в частности, противоречия между массовидностью специалистов и постепенной утратой многими из них политической миссии и такого сущностного качества, как интеллигентность; в) связь потери интеллигентности с нравственно-политической ущербностью не ядра интеллигенции и не массовой, а «элитной» интеллигенции: впервые политические и мировоззренческие позиции интеллигенции настолько противоположны друг другу, что отдельные ее слои борются не столько за свою свободу, сколько между собой. Исчезновение интеллигентности вызывает атрофию как гуманности и сострадания, так и профессионально необходимого стремления к творческой и политической свободе, что снижает качество труда таких интеллигентов; г) деградация части гуманитарной интеллигенции до уровня инициатора и носителя инфраструктуры национализма, вызванная как ценностными, так и инструментальными мотивами; д) комплекс неполноценности и социальная деидентификация интеллигенции.

Четвертая глава «Политические особенности функционирования интеллигенции в Республике Татарстан» посвящена анализу особенностей политического поведения интеллигенции как субъекта политики в Татарстане. В первом параграфе **«Специфика татарстанской постноменклатуры»** выделены отличительные черты правящей квазиинтеллигенции в республике, значение которых ныне резко выросло. Факторами, сформировавшими специфику политического сознания и поведения властной элиты РТ (как и остального населения) явились: геодемографические особенности республики (ее срединное положение в центре Евразии и России; превалирование среди татар диаспоры; дисперсность расселения русских и татар, сформировавшаяся в городах РТ новую общность, более отличную от сельчан, чем друг от друга; монорасовость населения); исторические (вековое сосуществование русской и татарской интеллигенции и др.), экономические условия (насыщенность связанным со всей Россией ВПК и вузами, богатые природные ресурсы, менее компрадорский характер номенклатуры РТ).

Благодаря этим факторам, взгляды партизированной оппозиции и большинства населения Казани на основные политические проблемы совпадают, при том что, по данным исследований, проводившихся автором, М.Шаймиев

превратился из деятеля, поддерживаемого в основном татарами, в общереспубликанскую фигуру, хотя его политика далеко не отвечает ориентации большинства казанцев. Одним из поражений правящих кругов Татарстана является неприятие населением республики подмены принципов федерализма принципами конфедерализма. В общественном мнении казанцев наблюдается тенденция к укреплению государственности: доля сторонников приведения правовой системы РТ в соответствие с российской в течение последних 10 лет составляет абсолютное большинство. Преобладают в 2000-е гг. и сторонники назначения президентов республик. Превалирование «недемократической» позиции среди интеллигенции и иных категорий населения Казани объясняется их более высоким доверием к В.Путину, чем к руководству РТ, а также появившимся в последние годы феноменом предпочтения российских порядков местным.

Первая группа специфических черт интеллигенции как субъекта политики, заимствованных и используемых правящей элитой РТ, состоящей в основном из татар, – это весьма отличная от балтийского аналога этнопсихология и этнокультура. В них во многом сохранилась «восточная мудрость» с элементами патриархальности. Среди особенностей этнокультуры первая категория – это черты татарской народной культуры: а) особое уважение к любому мастерству, что на выборах дает «фору» интеллигенции; б) особое доверие к печатному слову, используемое официальными СМИ; в) мощная «утечка мозгов» из села в город, а из Татарстана – в иные регионы и страны; г) разрушение провинциализма психологии татар вследствие многовекового общения и миграции татар по стране и др. Линия властей на этнолингвистическую дискриминацию и пособничество этнонационалистам размывает элементы республиканского патриотизма и укрепляет российскую ориентацию татар, хотя и способна привести к этническому размежеванию в РТ. Вторая категория – это элементы эволюционного объединения культур, являющегося следствием многовекового их взаимодействия. Это элементы межэтнического сближения (всеобщие аккультурация, билингвизм) и соединения (интеграция, миксация) и условия для них (тесные этнические контакты; этническая адаптация; аккомодация большинства татар). Неприятие социоэкономической и иной политики России отторгло многих жителей Татарстана от общероссийской самоидентификации. Вместе с тем официальная пропаганда деформировала в этом вопросе демократические ориентации казанцев. Так, согласно нашим исследованиям, большинство интеллигенции, как и остальных категорий казанцев считает необходимым знание кандидатом в Президенты РТ двух государственных языков. В другом «языковом» вопросе казанцы сплоченно оппонируют официальной позиции. Данные опросов регулярно подтверждали неприятие перехода на латинскую графику большинством и населения в целом, и самих татар – причем, всех их половозрастных и социально-профессиональных категорий. В целом, поволжское евразийство – это сплав культур, симбиоз «черт психического склада», вызванный ис-

торической спецификой. Белорусы, украинцы раньше были с русскими одним народом, но их развитие центробежно, а у русских и татар – центростремительно. Это вынуждает правящую элиту амортизировать свою этнократическую политику.

Вторая группа специфических черт правящей элиты обусловлена особенностями доиндустриального общества, породившего почти всю местную элиту. В советский период аграрная неономенклатура имела мало шансов на продвижение. В 1990-2007 гг. сельская постноменклатура РТ совершила исторический рывок, вытеснив представителей городской неономенклатуры. Первая волна вытеснения закончилась снятием с постов всех «силовиков» на волне суверенитета начала 1990-х гг. Вторая волна инициирована законом о выборах, по которому сельские главы администрации и их заместители стали устойчивым большинством Госсовета РТ в 1995 г. Третья волна в июне 1998 г. стала расплатой за очередную фронду остатков городского чиновничества.

Причинами особого властолюбия сельчан и лиц с агротехническим образованием явились: а) потребность сельской по происхождению гуманитарной интеллигенции во властном ресурсе, способном сохранить их основную аудиторию в лице сельчан; б) вхождение в политико-властную интеллигенцию как массовидный способ выхода из колхозного статуса; в) нежелание стремящихся к восхождению в науке и политике утрачивать этнокультуру и этноязык; г) предпочтение ядром элиты выпускников сельхозинститута как сугубо лояльного советской власти татароязычного вуза; д) выбор правящей элитой более сервильных сельских чиновников как инструмента формирования автократии.

По названным причинам среди постноменклатурных маргиналов сохранились черты психологии аграрного общества: а) предпочтение обязанностей и коллективизма личной выгоде, переросшее в отказ от персонифицизма и ориентации на индивидуальный успех; б) опора не на законы, а на обычаи, правовой нигилизм; в) отказ от специализации труда в пользу широкопрофильности; г) неовладение высокой светской культурой; д) предпочтение непотизма, землячества, культуры стыда городской культуре вины и институтам гражданского общества; е) стихийный материализм, прагматизм, морально-политический релятивизм, консерватизм и метафизичность мышления, вызванные спецификой наблюдения за природными процессами; ж) трансформация уважения к старшим в геронтократию; з) патриархальные отношения в семье, рождающие авторитарную личность; и) элементы ксенофобии, провинциализма, этнической, религиозной и поселенческой автаркии и эндогамии; к) несовместимость с политической и экономической свободой; л) черты колхозной неономенклатуры: опора на подневольный труд, патронажно-клиентельные отношения, основанные на сервильности и фаворитизме, негативное отношение к гласности, контролю со стороны общественности. Постноменклатура РТ носит характер переходной, маргинальной, сохраняя отрыв от жизни простых людей, комплекс не-

полноценности, аномию, неумение рефлексировать, неприятие инновационного типа развития общества, стремление упрощать действительность, непонимание значения глубокой теории, методологии, университетского образования, сложных видов и нетрадиционных жанров искусства.

Третья группа черт правящей квазиинтеллигенции связана с ее агротехническим образованием. В сознании ее представителей часто совмещаются представления и подходы, свойственные как сельским жителям, так и технократам, с их позитивистским (а не гуманистическим) восприятием социальной действительности в виде: а) наивный натурализм в виде органицизма и механицизма (уверенности в простоте и управляемости всех общественных процессов, подход к людям как аналогу механизма или организма, предпочтении социумоцентризма); б) стихийный сциентизм: методы «работы с человеческим материалом» выбираются простейшие – административно-командные и противоправные: «нейтрализации» подвергались именно наиболее эффективные в конкретный период оппозиционеры; власть в каждый период использует минимально необходимые средства для нейтрализации оппозиции, в силу чего она сумела в основном перейти в последние годы к более «мягким» методам; любые адекватные неправящей интеллигенции средства политической борьбы не «работают» не столько в силу слабости или перерождения интеллигентов, сколько из-за использования властью «административного ресурса»; в) неосознанный бихевиоризм – игнорируются мысли, чувства, намерения, цели людей; г) верификационизм, когда правители считают, что они вправе экспериментировать на людях при создании «модели Татарстана»; д) квантофрения при недооценке качественного анализа (постоянный интерес, как в советские времена, к валовому производству, а не к внедрению новшеств науки, к ряду показателей среднего уровня жизни, а не к децильному коэффициенту и к качеству жизни, к тому, что дает измеряемый эффект, а не к социальной и духовной сферам); е) увлечение номотетикой, когда игнорируются как специфика социетальных законов, так и идиография, т.е. анализ уникального, неповторяющегося; ж) абсолютизация методов внешнего наблюдения, сравнения вместо феноменологизма; з) объяснение вместо понимания, при котором нужно поставить себя в положение других людей, что принципиально недоступно членам правящей элиты; и) идейно-политический объективизм, ценностная нейтральность – свобода от связи с реальными идеологиями и доктринальными партиями, от моральной оценки последствий своих действий; от защиты отдельных базовых ценностей.

Четвертая группа специфических черт правящей и неправящей интеллигенции РТ порождена сущностной общностью основных мировоззрений-религий: евроисламской, православной и безрелигиозной. Все они характеризуются, в отличие как от азиатского ислама (от суфизма или ваххабизма), так и от западного христианства прибалтов, такими чертами, как аномический экumenизм и единство самой ментальности этих религий. Первый отражается: а) в

представлении о единстве всех религий, что объясняется синтезирующим характером ислама; б) в отсутствии религиозного фанатизма; в) в диффузии обрядовости. Второе объясняется традиционалистским характером этих мировоззрений, выражающимся в следующем: а) превалирование эгалитаристского коллективизма, ориентация на общую собственность, артельный труд и справедливое перераспределение благ; б) амбивалентное отношение к труду, противостоящее как инструментальному отношению к труду у приверженцев восточных религий с их принципом «недеяния», так и однозначной сакрализации трудовой этики у протестантов; в) этатизм, стремление к крупному централизованному государству, доказательством чему служит факт голосований большинства населения за В.Путина; г) преобладание не рационального, а патриархально-го и харизматического подхода к политическому лидерству; д) консерватизм, поэтому главный лозунг президента РТ – «стабильность» – явно выигрывал в глазах многих на фоне непредсказуемости Б.Ельцина; е) выделение семьи как основного социального института, используемое правящей элитой РТ для откровенного оправдания nepотизма; ж) мотив утопического компенсаторного хилиазма, фиксируемого как в официальной пропаганде, так и в массовой психологии надеждой на «светлое будущее», логично обрамленной алармистским и примиренческим отношением к настоящему; з) аскетизм как активное управление своей волей. В РТ сложилась уникальная ситуация, когда официальные деноминации (ислам, православие), несмотря на резервы для обращения и на активность исламских фундаменталистов, ограничиваются рекрутацией приверженцев в семьях, а исламским прозелитизмом занимаются советники Президента РТ и государственные СМИ, что деформирует межконфессиональные отношения, но в целом не способно разрушить их органическое единство.

Вместе с тем, потомственная городская интеллигенция, как и большинство казанцев, не поддается официальной пропаганде, сохраняя демократические позиции. Так, абсолютное большинство респондентов высказывается за ограничение времени президентства РТ двумя сроками, за запрет совмещения постов депутатов и глав администрации, за избрание глав администраций.

Пятая группа особых черт постноменклатуры состоит из характеристик бюрократии потестарного общества (трайбализм), античной цивилизации (патрон-клиентные отношения) и феодализма (байство и аграрный характер). Поддержанию границ путем противопоставления «избранного» маргинального слоя остальному населению и формированию отличного от остальной России менталитета жителей Татарстана служит и официальный дискурс.

Во втором параграфе **«Неправящая интеллигенция в политическом процессе Татарстана в 1990-2000-е годы»** подвергнуты анализу особенности развития политизированной интеллигенции Татарстана. Неправящая интеллигенция Татарстана в меньшей степени, чем правящая и нежели российская в целом, подверглась перерождению в народофобную и плутократическую постин-

теллигенцию. Региональной интеллигенции также были свойственны тенденции к идеологизации и партизации и даже к «хождению во власть», но она оказалась менее политизированной, а как политический субъект прошла несколько иные этапы развития, чем московские интеллектуалы. У неправящей интеллигенции РТ имеются свои каналы, пути и способы политической деятельности. В советский период таким каналом была открытая и латентная оппозиционная деятельность. Для политизированной интеллигенции доперестроечного периода были характерны две тенденции: 1) четкая институционализация татарского движения и его дистанцирование от демократов; 2) рождение и растущее расхождение двух потоков общедемократического диссидентства: демократического и либерального.

После 1985 г. эволюция интеллигенции в Татарстане имела общие, постоянные черты: 1) отход большинства оппозиционеров от жесткой идеологичности и партийной верности своим московским лидерам при оценке региональных проблем с сохранением бесплодных ожиданий на их помощь; 2) меньшая политическая активность региональной интеллигенции в сравнении с общедеревальными показателями вследствие особо дискриминационной в ее отношении политики правящего агро-постноменклатурного режима; 3) дистанцирование правящего клана от политики Москвы и амбивалентность его отношения к нормам российских законов, способным уменьшить всевластие постноменклатуры; 4) ответная оппозиционность всех демократических сил; 5) взаимное наложение российских и татарстанских политических противоречий, как следствие — их частичное «гашение»; 6) преобладание центробежных тенденций к идеологической поляризации политизированной интеллигенции в РФ («либералов» и коммунистов) и к ее крайней поляризации в Татарстане по проблемам демократии и законности; 7) центростремительные тенденции в среде электората, не поддающегося на этнократические интенции правящего клана, но одновременно поддерживающего лидера этого клана; 8) кадровая, организационная и иная ресурсная слабость, а потому и неустойчивость и неуспешность интеллигенции, особенно со второй половины 1990-х гг.; 9) вытеснение городской элиты РТ в политическую цитоплазму, ставшую неправящим, но привилегированным слоем, экономической элитой, иногда организовывавшей пунктирную и персоналистскую оппозицию; 10) последствия более жесткого и гибкого подавления оппозиции, ведущего не только к ее минимизации, но и к мимикрии и переходу на службу правящей элите или к ожесточению.

Несколько иными, чем в России в целом, был не только состав политических сил в рамках политизированной интеллигенции Татарстана, но и критерии их различия. Длительное время основной политической водораздел в РТ проходил по отношению к законности и госустройству России: правящая элита, к которой примкнули националы и коммунисты, открыто попирала российские законы, стремясь или вовсе вывести РТ из состава РФ, или превратить Россию в

конфедерацию; демократическая оппозиция активно этому противодействовала, сгруппировавшись на платформе федерализма. Подписание Договора между руководством РФ и РТ в 1994 г. обнажило противоположность базовых принципов двух блоков: приоритет личности у федералистов и социума – у правящего блока. Наметившийся конфликт разных флангов постноменклатуры также артикулируется несовместимостью этих базовых принципов, что необязательно совпадает с реальностью, а чаще вызвано конъюнктурным позиционированием постноменклатурной оппозиции, создающей клон ныне правящего клана и плюрализирующей последний.

Протопартийный этап конца 1980-х гг. характеризовался как общими для всей страны процессами, так и специфическими тенденциями – это институционализация, интеграция оппозиции в рамках единой организации Народного Фронта (НФ); начало раскола оппозиции, вызванное выделением татарского движения в качестве «пунктирной оппозиции» из радикально-оппозиционного НФ; зарождение четырехблоковой конфигурации политизированной интеллигенции. На этом этапе основным и главным противоречием был аналог общероссийского конфликта между «коммунистами» и «демократами». Политическая конфигурация была сходна с типичной системой поляризованного плюрализма благодаря наличию двухсторонней оппозиции, властному положению «центристских» сил и господству центробежных тенденций. Но при этом оба первоначальных полюса (демократы и националы) не были расположены соответственно справа и слева от власти. Поэтому оппозиционеры иногда противостояли друг другу, иногда солидаризировались. Власть в РТ была в руках не у реальных центристов, а у партаппарата, постепенно терявшего устойчивые идеологические и политические позиции. Если «неформалов» поневоле радикализировало сопротивление неономенклатуры, то мотором, «разгоняющим» желания националов была уступчивость партаппарата.

Более значительно отличаются от общероссийских тенденции эволюции интеллигенции Татарстана 1990-2000-х гг. На первом этапе (1990-1993 гг.) можно выделить такие особенности: 1) партизация интеллигенции; четкая институционализация ее четырехзвенной конфигурации; 2) задействование правящей элитой перекрестного конфликта; 3) реверсивная ориентация основных сил в политизированной интеллигенции; 4) формирование системы крайней поляризации; 5) складывание «апартийной» авторитарной этнократическо-клановой системы. Основной предпосылкой монополизации власти постноменклатурой и поражения политизированной интеллигенции явилось умелое использование властями перекрестных конфликтов: общероссийского (демократы-коммунисты), этнического и «вертикального» (между федеральной и региональной элитами) для минимизации главного противоречия между постноменклатурой и общедемократическим движением. Особенностью рассматриваемого этапа стала реверсивная ориентация основных политических сил ин-

теллигенции. В Прибалтике националы боролись за выход из состава СССР и против возглавлявшего его М.Горбачева, а демократы вошли с ними в союз, т.к. атаковали М.Горбачева как лидера КПСС. В Татарстане же националы выступали за выход РТ из России и против ее президента Б.Ельцина и по принципу негативной идентификации стали союзниками коммунистов и местной номенклатуры. Данные тенденции сформировали двухполюсную конфигурацию интеллигенции как субъекта политики, со временем принявшую вид типичной системы крайней поляризации с четким идейно-ценностным размежеванием, превалированием центробежных тенденций и наличием крупных антисистемных компонентов. Критерием дихотомического размежевания стало отношение к законности; его проявлением – отношение к РФ и статусу РТ (конфедерализм-федерализм); вектором развития – отношение к прогрессу (традиционализм-модернизаторство); ориентацией – соотносительная оценка Личности и Социума. Эти дихотомические линии настолько принципиальны, что в своей основе господствуют в РТ до сих пор. Первый полюс политизированной интеллигенции – оппозиционный, благодаря специфике Татарстана объединивший демократов (либералов, социал-демократов и правозащитников). Вторым полюсом – правящий этнопостноменклатурный блок, включивший «партию власти», коммунистов и татарское этнополитическое движение.

На этапе смены ориентиров и союзников в 1994-1999 гг. выделились следующие черты: 1) переориентация власти РТ на московскую постноменклатуру при сохранении расхождений местных и федеральных законов; 2) отказ от прямой опоры на маргинализированных националов и коммунистов; 3) формирование трехблоковой системы: («партия власти»; внесистемная оппозиция в лице блока «Равноправие и законность» и антисистемная оппозиция в виде местного Народно-патриотического союза, включившего КПРТ и русских и татарских этнорадикалов); 4) кристаллизация автократии (с формально «апартийным» руководством республики) и социальное закрытие правящей сельской квазиэлиты. Сложилась парадоксальная ситуация: союзника московских правящих «демократов» не поддерживала ни одна демократическая сила РТ.

И, наконец, на этапе становления новой двухполюсной конфигурации политизированной интеллигенции и ее трансформации в систему с полюсом-гегемоном (с конца 1999 г.) прослеживаются следующие тренды: 1) возврат Центра к требованиям единого правового пространства и отдельным демократическим принципам и вынужденное согласие на это правящей элиты РТ; организационное сплочение всей антиноменклатурной интеллигенции Татарстана; 2) привитие общероссийской политической стратификации на татарстанскую почву, появление некоторой конгруэнтности российской и татарстанской политизированной интеллигенции; 3) ответная реакция на действия В.Путина в виде продвижения на политический рынок ряда антироссийских движений, газет и идеологов; 4) использование правящим кланом тенденции к укрупнению пар-

тий для поглощения всей неноменклатурной инфраструктуры, приведшее к деградации партий и департизации интеллигенции; 5) сращивание российской (среднего уровня) и казанской постноменклатур.

В целом, политизированная интеллигенция РТ теряет основные политические функции, деидеологизируется и департизируется еще быстрее, чем в Москве, но интересы разных социальных групп все равно требуют своего выражения в политике – и отнюдь не через чиновничьи или провокационные структуры. Политическая конфигурация интеллигенции оригинальна по составу и композиции, по своим характеристикам она: 1) транзитная, неустоявшаяся по уровню развития, 2) «инфраструктурная», «апартийная» по составу своих субъектов, 3) реверсивная по ориентации основных политических сил, 4) перекрестная по типу взаимоотношений этих сил, 5) авторитарная по характеру взаимоотношений властей и оппозиции, 6) типичная «ластинг-монопартийная», квази-элитная, двух- (затем – трех-) блоковая система крайней поляризации.

Немаловажным является анализ политизированной интеллигенции Татарстана по уровню и профилю образования и специальной подготовки. Прежде всего необходимо особо выделить активную роль доцентов в татарстанской политике. Существует корреляция между профилем образования, влияющим на ценностные ориентации, и определенной партийностью. Специалисты технического профиля возглавили либеральные партии, а гуманитарии – социал-демократические и правозащитные организации, рекрутирование первых в центристские оппозиционные партии не стало успешным проектом. Профиль образования обусловил и различие в сферах постпартийной работы. В национальном движении к середине 1990-х гг. интеллигенция все больше вымывалась из-за радикализации целей, методов и средств «активистов второго призыва». Этнонационализм в слабой степени присущ продвинутым интеллектуалам, тем более связанным с отраслями информационной цивилизации, это – «опиум» маргинал-интеллигенции. При этом если действия гуманитариев в национальном движении еще можно оценить амбивалентно, то деятельность малочисленных «технарей» была вовсе контрпродуктивной. Мобилизационную базу постноменклатурной «партии президента РТ» в начале 1990-х гг. составляла отнюдь не интеллигенция. В дальнейшем часть интеллигенции перешла к поддержке власти, в целом не соглашаясь с воззрениями правящей элиты на демократию. Доля политизированных студентов прямо, а сторонников этнонациональных организаций – обратно пропорциональны не столько уровню «гуманитаризации» вуза, сколько степени его приобщения к высокотехнологичной информационной цивилизации и, соответственно, составу студентов.

Согласно данным наших исследований 1999-2005 гг., среди городской интеллигенции уровень оппозиционности местной власти выше, чем среди иных категорий казанцев и нежеле степень несогласия с линией Президента РФ, что отличает позиционирование интеллигенции от ситуации 1990-х гг. Падение популярности реальной партизированной оппозиции в Татарстане вызвано не

пулярности реальной партизированной оппозиции в Татарстане вызвано не только предпочтением президента РТ, представляющегося большинству населения меньшим злом, чем татарские радикалы или Б.Ельцин (но не В.Путин, имеющий более высокий рейтинг, чем Шаймиев), но и общероссийскими, а также региональными факторами: использованием властями перекрестных конфликтов; линией властей на преследование оппозиции; а также стратегическими (тщетная надежда «на Москву») и тактическими ошибками самих оппозиционеров, мало внимания уделявших наиболее волнующим население социально-экономическим вопросам (монетизации, природной ренте, инфляции и доходам, латинице). В целом наблюдается акцентирование населением Казани вины региональных властей за ситуацию в РТ в последние годы.

В **Заключении** сформулированы основные выводы, высказываются предположения о перспективах эволюции интеллигенции как субъекта политического процесса в России в целом и в Татарстане, в частности, предложен ряд рекомендаций по дальнейшему исследованию данной проблемы и по оптимизации взаимоотношений интеллигенции и власти. Для восстановления своего политического влияния интеллигенция должна стремиться не стать властью, а находить способы экспертного воздействия на власть и идеологического – на общественное мнение. В условиях нарастания властных препон собственно политической деятельности интеллигенции необходимо стать инфлюэнтом, более активно задействовать свои профессиональные каналы, имеющие выход на формирование экспертного знания и общественного сознания, институционализацию гражданского общества. В первую очередь интеллигенции целесообразно заняться критической саморефлексией, созданием адекватного интеллигенции политического дискурса, воспитанием в себе черт интеллигентности.

**ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ,
ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ:
МОНОГРАФИИ:**

1. Беляев, В.А. Советская интеллигенция в борьбе идей / В.А.Беляев. - Казань: Изд-во Казан.Ун-та, 1990. - 150 с. (10,0 п.л.)
2. Беляев, В.А. Отечественная интеллигенция и ее роль в политике / В.А.Беляев. - Казань: Изд-во Казан.Ун-та, 2005. - 316 с. (23,0 п.л.)
3. Беляев, В.А. Отечественная интеллигенция как объект и субъект политики / В.А.Беляев. - Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2006. - 436 с. (31,2 п.л.)

**Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах перечня ВАК
Министерства образования и науки РФ:**

4. Беляев, В.А. Факторы и особенности интеграционной направленности менталитета жителей Татарстана / В.А.Беляев // Социол.исслед. - 2006. - №10. - С.50-57 (0,9 п.л.)
5. Беляев, В.А. О праве наций на самоопределение / В.А.Беляев // Вестник Казанского государственного технического университета им.А.Н.Туполева. - 1997. - №2. -С.71-74 (0,5 п.л.)
6. Беляев, В.А. Структура российской политической интеллигенции / В.А.Беляев // Вестник Казанского государственного технического университета им.А.Н.Туполева. - 2005. - №4. - С.78-83 (0,7 п.л.)

7. Беляев, В.А. Интеллигенция или новый средний класс / В.А.Беляев // Вестник Казанского государственного технического университета им.А.Н.Туполева. - 2007. - №1. - С.109-113 (0,75 п.л.)

Научные статьи, главы монографий, брошюры, материалы научных конференций

8. Беляев, В.А. Народ, власть и интеллигенция: пути достижения национального согласия / В.А.Беляев. - Казань: КГТУ, 2002. - 203 с. (20,0 п.л.)

9. Беляев, В.А. Специфика клановой постноменклатуры в Татарстане / В.А.Беляев // Тезисы докладов. IV Всероссийский конгресс политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление: новые вызовы политической науке». - М.: РАПН, 2006. - С.27-28 (0,2 п.л.)

10. Беляев, В.А. Необходимость расширения полномочий президента и иных властей РФ / В.А.Беляев // Россия. Политические вызовы XXI века. Второй Всероссийский Конгресс политологов 21-23 апреля 2000 г. - М.: РОССПЭН, 2002. - С.313-315 (0,3 п.л.)

11. Беляев, В.А. Конгруэнтность и асимметрия в устройстве государства / В.А.Беляев // I Всероссийский Конгресс политологов «Современная Россия: власть, общество, политическая наука». Москва, 17-18 февраля 1998 г. В 3 тт. - М., 1999. - Т.1. - С.70-75 (0,3 п.л.)

12. Беляев, В.А. Отношение казанцев к выборам последних лет / В.А.Беляев // Избирательная система, избирательная кампания и выборы в контексте современного политического процесса в России. Материалы научно-практической конференции. - Казань: Слово, 2006. - С.11-16 (0,4 п.л.)

13. Беляев, В.А. Общность русской и татарской культур как фактор формирования единого менталитета населения Татарстана / В.А.Беляев // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы». (Первые казанские социологические чтения). Казань, 15-16 ноября 2005 г. Т.1. - Казань: Центр инновационных технологий, 2006. - С.290-295 (0,3 п.л.)

14. Беляев, В.А. Потестарные черты правящей неономенклатуры / В.А.Беляев // Туполевские чтения. Международная молодежная научная конференция. Казань, 10-11 ноября 2005 г. Материалы конф. Т.6. - Казань: КГТУ (КАИ), 2005. - С.159-163 (0,3 п.л.)

15. Беляев, В.А. Маргинальность и агротехническое образование провинциальной политической элиты / В.А.Беляев // Совершенствование преподавания в высшей школе. Материалы конференции. - Казань: КГУ, 2004. - С.116-121 (0,3 п.л.)

16. Беляев, В.А. Избирательные технологии на выборах 2003-2004 гг. в РТ / В.А.Беляев // Политический консалтинг: горизонты новой реальности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24.02.2004. - Казань: РЦИМ, 2004. - С.143-146 (0,5 п.л.)

17. Беляев, В.А. Анализ потестарности региональной неономенклатуры в социогуманитарных дисциплинах / В.А.Беляев // Инновационное образование в техническом университете: Международная научно-методическая конференция. - Казань: КГТУ, 2004. - С.652-657 (0,3 п.л.)

18. Беляев, В.А. Политология. Учебник. Части 1 и 2. Изд.2-е, перераб. / В.А.Беляев, А.Н.Филатов. - Казань: Альфа, 2003. - 132 с. и 232 с. (26,9 п.л.; вклад автора - 24,8 п.л.)

19. Беляев, В.А. Рейтинг партий и политиков в Республике Татарстан / В.А.Беляев // Российское лицо PR. Материалы научно-практической конференции 28.02.2003 г. - Н.Новгород: НГТУ, 2003. - С.165-171 (0,4 п.л.)

20. Беляев, В.А. Социальный ранг интеллигенции / В.А.Беляев // Теоретико-методологические проблемы исследования общества переходного типа. Материалы межвузовской научно-практической конференции (27.06.2002 г.). - Казань: Центр инновационных технологий, 2003. - С.25-37 (0,9 п.л.)

21. Беляев, В.А. Глобализация и специфика менталитета населения РТ / В.А.Беляев // Проблемы глобализации и антиглобализм в современном мире (сб. докладов и статей межрегиональной конференции). - Казань: РИЦ «Школа», 2003. - С.46-70 (1,6 п.л.)

22. Беляев, В.А. Эволюция партийной системы в РТ / В.А.Беляев // Становление многопартийности в РФ и РТ / Многонациональное «Согласие» – 11 лет борьбы за мир. - Казань: КГТУ, 2002. - С.3-14 (1,1 п.л.)

23. Беляев, В.А. Позиционирование региональной социал-демократии / В.А.Беляев // Там же. - С.28-31 (0,3 п.л.)

24. Беляев, В.А. Нас объединяет общность судьбы и проблем / В.А.Беляев // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных проблем. Альманах №3. - М., 2001. - С.26-27 (0,3 п.л.)
25. Беляев, В.А. Политическая стратификация в РТ / В.А.Беляев // Собственность и стратификация современного общества: региональные и национальные особенности. Материалы Всероссийского Круглого стола. - Казань, 2001. - С.74-76 (0,2 п.л.)
26. Беляев, В.А. Выборы в РТ: коммунисты за гайдаровца; богатые за «социального защитника» / В.А.Беляев // Россия: выбор пути. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 19.11.1999 г. - Казань: КГТУ (КАИ), 2000. - С.58-64 (0,4 п.л.)
27. Беляев, В.А. Власть vs интеллигенция / В.А.Беляев // Россия: выбор пути. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 19.11.1999 г. - Казань: КГТУ (КАИ), 2000. - С.99-100 (0,1 п.л.)
28. Беляев, В.А. Прошедшие выборы и закон / В.А.Беляев // Социально-правовые исследования современных проблем преступности. Тезисы научно-практической конференции. - Казань: КФЮИ, 2000. - С.63-65 (0,4 п.л.)
29. Беляев, В.А. Асимметрия полномочий Президента и иных властных структур РФ / В.А.Беляев, Л.Ш.Акмалова // Перспективы развития современного общества. Материалы Всероссийской научной конференции. 28-29.9.2000 г. - Казань: КГТУ, 2000. - С.47-50 (0,3 п.л.; вклад автора - 0,15 п.л.)
30. Беляев, В.А. Выборы под дулом автоматов / В.А.Беляев // Особая зона: выборы в Татарстане. - Ульяновск: ГНУ «Средневолжский научный центр», 2000. - С.128-131 (0,3 п.л.)
31. Беляев, В.А. Полшага от бесправия / В.А.Беляев // Особая зона: выборы в Татарстане. - Ульяновск: ГНУ «Средневолжский научный центр», 2000. - С.132-141 (0,7 п.л.)
32. Беляев, В.А. Асимметричные федерации: проблемы особого статуса территории / В.А.Беляев // Политический процесс: региональный вызов. - Казань: ТГЖИ, 1999. - С.9-18 (0,6 п.л.)
33. Беляев, В.А. Равноправие и законность в России (конгруэнтность и симметрия) / В.А.Беляев // Россия: выбор пути. Тезисы выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции. - М.: ИМЭПИ РАН, 1999. - С.69-72 (0,3 п.л.)
34. Беляев, В.А. Свобода слова и печати в РТ как принцип демократии / В.А.Беляев // Татарстан глазами демократической оппозиции. Сборник докладов I Республиканской научно-практической конференции. - Казань: Карпол, 1999. - С.45-51 (0,5 п.л.)
35. Беляев, В.А. Политические права граждан РТ / В.А.Беляев // Формирование правового государства, демократии и защита прав и основных свобод человека в РФ и в РТ. Тезисы Международной конференции. - Казань: КГУ, 1999. (0,3 п.л.)
36. Беляев, В.А. Конгруэнтность. Асимметрия и равноправие / В.А.Беляев // Россия: поиск пути. Материалы Всероссийской конференции. - М.: Научная книга, 1999. - С.258-263 (0,5 п.л.)
37. Беляев, В.А. Единство элит вместо разделения властей / В.А.Беляев // Социально-политические аспекты федерализма: модель Татарстана. Материалы международного семинара. - Казань: Аппарат Президента РТ. Фонд Эберта, 1998. - С.36-37 (0,1 п.л.)
38. Беляев, В.А. Языковой ценз и гражданство Татарстана / В.А.Беляев // Социально-политические аспекты федерализма: модель Татарстана. Материалы международного семинара. - Казань: Аппарат Президента РТ. Фонд Эберта, 1998. - С.98 (0,1 п.л.)
39. Беляев, В.А. Первичные и вторичные права человека в РТ / В.А.Беляев // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (материалы Международного семинара). - Болгары: Новая жизнь, 1998. - С.27-32 (0,4 п.л.)
40. Беляев, В.А. Менталитет населения РТ как основа национального согласия / В.А.Беляев // Общественное согласие в Российской Федерации. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Казань: Карпол, 1998. - С.197-204 (0,5 п.л.)
41. Беляев, В.А. Политология. Учебный курс. Часть 2. Субъекты политики / В.А.Беляев [и др.]. - Казань: КИБУ, 1998. - 221 с. (17,3 п.л.; вклад автора - 13,1 п.л.)
42. Беляев, В.А. С Кораном в одной руке и с «Капиталом» в другой (Политический менталитет населения РТ) / В.А.Беляев // Татарстан. - 1997. - №1. - С.3-10 (0,7 п.л.)

43. Беляев, В.А. Государство как политический институт / В.А.Беляев // Основы политологии. Учебное пособие для вузов. - Казань: КГТУ, 1997. - С.87-104 (1,1 п.л.)
44. Беляев, В.А. Политика и власть / В.А.Беляев // Основы политологии. Учебное пособие для вузов. - Казань: КГТУ, 1997. - С.24-45 (1,4 п.л.)
45. Беляев, В.А. Федерализм сегодня. Типологии федераций в мире / В.А.Беляев // Федерализм: проблемы формирования. Документы и материалы. - Казань: КГТУ, 1997. - С.10-27 (1,1 п.л.)
46. Беляев, В.А. Эволюция федералистских и этногосударственных идей / В.А.Беляев // Там же. - С.27-38 (0,7 п.л.)
47. Беляев, В.А. Политология. Учебный курс для вузов. Часть 1. Кратология / В.А.Беляев [и др.]. - Казань: КИБУ, 1997. - 132 с. (8,25 п.л.; вклад автора - 7,5 п.л.)
48. Беляев, В.А. Протоинтеллигенция, власть и закон: сениоры против юниоров / В.А.Беляев // Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Материалы итоговой научно-практической конференции. - Казань: КФЮИ, 1997. - С.68-73 (0,3 п.л.)
49. Беляев, В.А. Гуманитарная интеллигенция и общество / В.А.Беляев // Там же. - Казань: КГТУ, 1996. - С.99-100 (0,1 п.л.)
50. Беляев, В.А. Политическая культура населения Республики Татарстан / В.А.Беляев, Л.Ш.Акмалова // Социальное знание: формации и интерпретации. Тезисы Международной научной конференции. - Казань: КГУ, 1996. - С.11 (0,2 п.л.; вклад автора - 0,1 п.л.)
51. Беляев, В.А. Контрэлиты и власть / В.А.Беляев // Региональные элиты и общество: процессы взаимодействия. Тезисы Республиканской научно-практической конференции. - Казань, 1995. - С.20-21 (0,1 п.л.)
52. Беляев, В.А. Мягкие и жесткие структуры / В.А.Беляев // Федерализм: проблемы формирования. Материалы постоянно действующего семинара. - Казань, 1994. - С.35-41 (0,4 п.л.)
53. Беляев, В.А. Становление многопартийности в республике / В.А.Беляев // Политические процессы и движения в национальных республиках Поволжья и Приуралья. Материалы межвузовской научной конференции. - Чебоксары, 1994. - С.80-81 (0,1 п.л.)
54. Беляев, В.А. Татарстан глазами политической элиты / В.А.Беляев, Л.Ш.Акмалова // Казань. - 1994. - №9-10. - С.28-30 (0,4 п.л.; вклад автора - 0,2 п.л.)
55. Беляев, В.А. Золотое сечение России (О развитии федерализма в России) / В.А.Беляев, Ю.Р.Хайруллина // Татарстан. - 1993. - №12. - С.3-7 (0,6 п.л.; вклад автора - 0,3 п.л.)
56. Беляев, В.А. Динамика политического процесса в Татарстане / В.А.Беляев // Политика, экономика, социология. Вестник Института Политики. - Москва. -1993.- №2. - С.27-37 (0,5 п.л.)
57. Беляев, В.А. Трансформация российского федерализма и право сецессии / В.А.Беляев, Ю.Р.Хайруллина // Федерализм – глобальные и российские измерения. Материалы Международной научно-практической конференции. - Казань, 1993. - С.247-250 (0,5 п.л.; вклад автора 0,25 п.л.)
58. Беляев, В.А. Научная интеллигенция на распутье / В.А.Беляев // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Материалы двух Поволжских научно-практических конференций. - Казань: КАИ, 1993. - С.3-4 (0,1 п.л.)
59. Беляев, В.А. Партийная система в Татарстане / В.А.Беляев // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Материалы двух Поволжских научно-практических конференций. - Казань: КАИ, 1993. - С.87-92 (0,3 п.л.)
60. Беляев, В.А. Федерализм сегодня / В.А.Беляев // Актуальные проблемы политического и социально-экономического развития страны. Материалы двух Поволжских научно-практических конференций. - Казань: КАИ, 1993. - С.41-56 (0,9 п.л.)
61. Беляев, В.А. Силуэт дня в зеркале истории (серия статей о национальных отношениях в Татарстане) / В.А.Беляев // Слово агитатора. - 1989. - №5-12 (4,2 п.л.)
62. Беляев, В.А. Идеиная борьба в среде советской интеллигенции по вопросам перестройки / В.А.Беляев. Депон. №37829 от 12.5.1989 г. в ИНИОН. - Казань: КХТИ, 1988 (5,0 п.л.)
63. Беляев, В.А. Борьба идей в рядах советской интеллигенции по проблемам перестройки / В.А.Беляев // Проблемы социально-политического развития советского общества. Депон. №33409 от 13.04.1988 г. в ИНИОН. - Казань: КХТИ, 1988 (5,4 п.л.)